

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жил некогда маленький песик по кличке Ровер. Был он совсем юным и ни-и-ичегошень-ки не знал! И он был так счастлив, играя своим желтым мячиком в залитом солнечным светом саду...

А иначе никогда не сделал бы он того, что он сделал.

Не всякий старик в потертых штанах непременно злой. Их носят дворники, что подбирают на улицах бутылки и кости (валяющиеся где попало), — они сами могут быть владельцами маленьких собак. Иногда их надевают садовники. А еще иногда — правда, совсем уж редко — в них ходят волшебники, слоняющиеся в выходной день и раздумывающие, что бы им такое сотворить.

Это был как раз волшебник. Он только что вошел в наш рассказ и задумчиво приближался к Роверу по садовой дорожке. На плечах его болтался старый лоснящийся пиджак, изо рта свисала старая трубка, а на голове топорщилась старая зеленая шляпа. И не будь Ровер столь занят облаиванием мячика, вероятно, заметил бы он торчавшее позади из шляпы синее перо; и тогда, возможно, заподозрил бы он, что перед ним волшебник, — как заподозрила бы это любая другая тонко чувствующая маленькая собака. Но он перьев вообще никогда не видел.

Когда старик наклонился и поднял мяч (он в тот момент подумал: а не превратить ли его в апельсин? или в косточку? или в кусочек мяса?), пес заворчал и сказал:

— Положи на место! (Без «пожалуйста».) Разумеется, волшебник, будучи волшебником,

прекрасно его понял и ответил в том же духе:

— Ну-ка, тихо, дурень! (Тоже без «пожалуйста».)

И затем он положил мячик в карман — просто чтобы слегка подразнить пса — и отвернулся.

Мне ужасно неловко, но я вынужден сказать, что Ровер немедленно вцепился ему в брюки и выдрал из них приличный клочок. Не исключаю, что он мог выдрать клочок и из волшебника. Потому что тот внезапно снова обернулся, очень рассерженный, и крикнул:

— Идиот! Убирайся! И стань игрушкой! Странные вещи начали происходить вслед за тем.

Ровер был собачкой очень маленькой, но тут он вдруг почувствовал, что стал еще гораздо меньше. Трава чудовищно выросла и колыхалась где-то в вышине над его головой. И там, далеко-далеко, словно сквозь верхушки деревьев, увидел он гигантский, подобный солнцу, желтый шар, стремительно падающий на землю.

Он слышал, как защелкнулись ворота за уходящим, но увидеть его не смог. Попытался залаять, но издал лишь едва слышный писк, чересчур слабый, чтобы люди обратили внимание. Я думаю, на него не обратила бы внимания даже собака.

Он стал таким крошечным, что, я уверен, если бы в тот момент мимо проходила кошка, она приняла бы Ровера за мышь и съела бы его. Тинкер бы съел. (Тинкером звали большущего черного кота, жившего в том же доме.)

При мысли о Тинкере Ровер перепугался не на шутку. Однако кошки тут же улетучились у него из головы, потому что сад, окружавший его, внезапно исчез, и он почувствовал, что его подхватывает порывом ветра и уносит куда-то. Когда же вихрь наконец стих, пес обнаружил, что лежит в темноте, зажатый среди каких-то тяжелых предметов. Так он и лежал — судя по его ощущениям, в душной коробке — очень долго и неудобно. Ему ужасно хотелось есть и пить, но это было еще не самое худшее: он понял, что не может двигаться.

Вначале песик подумал, что не в состоянии двигаться, потому что плотно запакован, однако позже сделал жуткое открытие: он вообще не мог шевелиться в дневное время. Вернее, мог, но с невероятным усилием, и только когда никто этого не видел. И лишь после полуночи на короткое время он получал возможность передвигаться и слегка вилять одеревенелым хвостом.

Он стал игрушкой. И из-за того, что вовремя не сказал «пожалуйста», теперь все время должен был сидеть на задних лапах и «слушать», словно выпрашивая подачку.

Такую позу придал ему волшебник.

По прошествии времени, показавшегося ему очень долгим и мрачным, Ровер вновь попытался залаять — громко, чтобы услышали люди. Затем он попробовал укунить какую-нибудь из

вещей в коробке — а там были глупые малень- кие игрушечные зверушки; действительно иг- рушечные, из дерева и олова, а вовсе не такие заколдованные живые собачки, как Ровер... Тщетно: он не мог ни лаять, ни кусаться.

Но вот кто-то подошел и снял с коробки крышку, впустив в нее свет.

— Нам бы стоило утром выставить кое-каких зверей в витрину, Гарри, — произнес голос, и в коробку просунулась рука.

— А это что?.. — Рука ухватила Ровера. — Не помню, чтобы видел ее прежде. Откуда она в трехпенсовой коробке?.. Нет, ты когда-нибудь видел столь правдоподобную игрушку? Посмот- ри- ка на шерсть и глаза!

— Проставь на ней шесть пенсов, — сказал Гарри, — и помести на самом видном месте в витрине.

И вот там, в витрине, на самом солнцепеке бедный маленький Ровер должен был нахо- диться все утро, весь день, почти до са- мого ужина; и все это время он был вынужден си- деть на задних лапах и делать вид, что заискивающе просит, хотя в действитель- ности был очень зол.

— Я убегу от первых же людей, которые меня купят, — сооб- щил он другим игруш- кам. — Я не игрушка и ни за что игрушкой не буду. Я — настоящий. Скорей бы уж меня ку- пили... Ненавижу этот магазин — не торчать же мне всю жизнь в витрине!

— Зачем тебе двигаться? — удивились дру- гие игрушки. — Мы же не двигаемся! Гораздо спокойней стоять просто так, не думая ни о чем. Дольше отдыхаешь — дольше живешь. Так что помолчи, твоя болтовня мешает нам спать, а ведь впереди у некоторых из нас далеко не ра- дужная перспектива...

Больше они разговаривать не хотели, и бедному Роверу сде-

лалось совсем одиноко. И был он очень несчастен и очень раска- ивался в том, что порвал брюки волшебнику.

Не могу сказать, имел ли к этому отношение волшебник, но женщина вошла в магазин имен- но в тот момент, когда Ровер чув- ствовал себя та- ким несчастным. Она увидела его в витрине и подумала, что эта прелестная маленькая собач- ка очень понра- вилась бы ее мальчику. У нее было трое сыновей, и один из них, средний, чрезвычайно увлекался коллекционированием собачек; особенно ему нравились маленькие черно-белые. Итак, она ку- пила Ровера, и тот был завернут в бумагу и положен в корзину для покупок среди прочих вещей, купленных ею к чаю.

Вскоре Роверу удалось высвободить из бума- ги голову. Пес чувствовал, что один из бумаж- ных пакетов пахнет кексом, но об- наружил, что не может до него дотянуться, и от досады за- рычал еле слышным игрушечным рыком. Одни лишь креветки услышали его и спросили, в чем дело. Он рассказал им все, ожидая, что они бу- дут очень ему сочувствовать, но они сказали только:

— А как бы тебе понравилось, если бы тебя сварили? Тебя ва- рили когда-нибудь?

— Нет, насколько я помню, меня никогда не варили, — отве- чал Ровер, — хотя меня вре- мя от времени купали, и это не очень приятно. Но я полагаю, что быть сваренным и вполнину не так ужасно, как быть заколдованным.

— Тогда тебя точно никогда не варили, — сказали креветки. — Это самое худшее, что только может случиться с кем бы то ни было. Мы краснеем от ужаса при одной лишь мысли об этом.

Ровер почувствовал себя уязвленным и по- тому заявил:

— Ну и ладно, все равно вас скоро съедят, а я буду сидеть и смотреть.

После этого креветкам нечего было сказать ему, и, предоставленный сам себе, он мог сколько угодно лежать и строить предположения, что за люди купили его.

Он вскоре узнал это. Его принесли в дом; корзину поставили на стол и вынули из нее все пакеты. Креветок сразу унесли в кладовку, Ро-вера же передали маленькому мальчику, для которого он был куплен. Тот понес его в детскую и стал с ним разговаривать.

Если бы пес не был так сердит и слушал, что говорил ему мальчик, тот бы ему непременно понравился. Ведь мальчик лаял на самом лучшем собачьем языке, какой только был ему доступен, и знал он этот язык совсем не так плохо. Однако Ровер даже не пытался ответить. Он все думал о своей клятве убежать от первых же людей, которые его купят, и о том, как бы ему это сделать. И все время, пока мальчик поглаживал его и двигал по столу и по полу, он был вынужден сидеть на задних лапах и «служить».

Но вот наконец настала ночь, и мальчика отправили спать. Ровера, вынужденного все так же «служить», покуда тьма не сгустилась полностью, поставили на стул около кровати. Занавески плотно задвинули. А снаружи луна поднялась из моря и положила на воду свою се-ребряную дорожку, по которой можно дойти до края мира и дальше, — разумеется, тому, кто умеет по ней ходить.

Отец, мать и трое сыновей жили у самого берега моря в белом доме, глядящем окнами поверх волн прямоком в никуда.

Когда мальчики затихли, Ровер распрямил свои усталые негнущиеся лапы и подал голос — столь тихо, что не услышал никто, кроме старого безобразного паука в углу на потолке. Затем он спрыгнул со стула на кровать, а с кровати скатился на ковер и бросился вон из комнаты, вниз по ступеням, через весь дом...

Поскольку прежде он был живым, то умел бегать и прыгать

намного лучше, нежели большинство игрушек ночью. Тем не менее путешествовать в таком виде оказалось ужасающе сложно и опасно: при его нынешнем росте спускаться по лестнице было равносильно тому, чтобы прыгать со стен, а уж забираться обратно...

И все напрасно. Разумеется, обе двери были заперты. И не было ни щели, ни дыры, в которую он мог бы пролезть.

Так бедный Ровер и не сумел убежать в ту ночь. Утро застало нашего усталого маленького песика сидящим на задних лапках и делающим вид, что «просит», на том самом месте около кровати, откуда он начал свой побег.

Обычно, когда выдавалось ясное утро, два старших мальчика любили, встав спозаранок, носиться до завтрака вдоль берега по песку. В тот раз, проснувшись и раздвинув занавески, они увидели солнце, выпрыгивающее из моря: все огненно-красное, с облаками на макушке, оно как будто приняло холодную ванну и теперь вытиралось полотенцем. Мальчики быстренько вскочили, оделись и стремглав помчались гулять — вниз, с обрыва, на пляж, — и Ровер был с ними.

Когда мальчик, которому принадлежал Ровер, уже выбежал из спальни, взгляд его упал на комод, куда он, умываясь, поставил песика.

— Он просится гулять! — сказал мальчик и положил Ровера в карман брюк.

Но Ровер вовсе не просился «гулять», и уж определенно не в кармане брюк. Он хотел отдохнуть и набраться сил, чтобы подготовиться к следующей ночи, думая, что уж в этот-то раз он непременно найдет выход и убежит, и будет бежать все дальше и дальше, пока не придет к своему дому, и саду, и желтому мячику на лужайке. У него было странное убеждение, что, если бы он

только смог вернуться обратно на лужайку, все встало бы на свои места, чары развеялись — или, возможно, он бы проснулся и обнаружил, что все это было сном.

Итак, в то время как мальчики скатывались по каменистой тропе и носились по песку, пес пытался лаять и бороться, извиваясь в кармане. Можете себе представить, каково ему было, — ведь он едва мог пошевелиться! И все же он делал, что мог, и удача улыбнулась ему. В кармане лежал носовой платок, смятый и скомканный, и, карабкаясь по нему, Ровер умудрился высунуть наружу нос и принюхаться. То, что он учуял и увидел, чрезвычайно удивило его. Он никогда прежде не видел моря и не знал его запаха, ведь деревушку, где он родился, отделяли от шума и запаха моря сотни и сотни миль...

И тут внезапно — именно в тот момент, когда он высунулся, — над самыми головами мальчиков пронеслась гигантская серо-белая птица, издающая звуки, которые могла бы издавать огромная крылатая кошка. Ровер так перепугался, что вывалился из кармана на мягкий песок.

И никто этого не услышал. Гигантская птица улетела, не обратив на его жалкий лай никакого внимания, а мальчики все бежали дальше и дальше по песку, совершенно не думая о нем...

Поначалу Ровер был чрезвычайно доволен собой.

— Я убежал! Я убежал! — лаял он своим игривым лаем, который могли бы услышать разве что другие игрушки, а их там не было. Потом он перекатился на бок и растянулся на чистом сухом песке, все еще отдающем прохладой звездной ночи.

Однако, когда мальчики исчезли вдали, спеша домой, и никто его так и не заметил, и он остался совсем-совсем один на пустынном берегу, он уже не чувствовал себя таким довольным.

Берег был абсолютно пуст, если не считать чаек. Единственными отпечатками на песке, за исключением следов их когтей, были дорожки, прочерченные подошвами мальчиков: в то утро они выбрали для прогулки чрезвычайно отдаленную часть пляжа, куда заходили редко.

Да и вообще туда нечасто кто-либо заходил. Потому что, хотя песок там был чистый и желтый, а галька белая, а море синее-пресинее, с серебряной пеной в маленькой бухточке под скалами, какое-то странное чувство возникало у всех, кому доводилось оказаться там, — за исключением тех моментов раннего утра, когда нарождалось солнце. Люди говорили, что в этом месте случаются странные вещи, иногда прямо среди бела дня. В вечернее же время в бухту во множестве заплывали русалки и русалы, а также крохотные морские гоблины, разгонявшие своих малюсеньких морских коньков по гребням волн и на всем скаку прыгивавшие с них кто дальше в пену у кромки воды, к самому подножию скал.

А причина такой странности была проста: в этой бухте жил старейший из всех песчаных колдунов — псаматистов, как зовут их морской народ на своем плещущем, брызгучем языке.

Псаматос Псаматидес было его имя. Во всяком случае, так он говорил, и чрезвычайно ревниво относился к тому, чтобы оно произносилось должным образом...

При всем том был он стар и мудр, и странный народец всякого сорта приходил к нему, ибо он был превосходным магом и в придачу существом чрезвычайно добродушным (по отношению к тем, кто, по его мнению, этого заслуживал), хотя с виду и слегка желчным. Морской народ обычно неделями хохотал до упаду над его шутками на какой-нибудь из вечеринок при луне.

Однако днем найти его было непросто. Он любил закопаться, пока сияет солнце, поглубже в теплый песок, так, чтобы лишь кончик одного из его длинных ушей торчал наружу. Впрочем, будь даже оба его уха высунуты, большинство людей, подобных вам или мне, все равно приняли бы их просто за щепки.

Вполне вероятно, что старый Псаматос все знал о Ровере. И уж определенно он был знаком с волшебником, заколдовавшим нашего пса, — ведь магов и волшебников на свете не так уж много, и они прекрасно знают друг о друге и следят за действиями друг друга, поскольку в частной жизни далеко не всегда являются друзьями.

Итак, Ровер одиноко лежал на мягком песке, чувствуя себя все более и более странно, а Псаматос, хотя Ровер и не видел его, подглядывал за ним из кучи песка, специально насыпанной для него предыдущей ночью русалками.

Однако песчаный колдун ничего не говорил. И Ровер ничего не говорил. И уже прошло время завтрака, солнце поднялось и раскалилось.

Ровер смотрел на море, спокойно шумевшее рядом, и вдруг его обуял чудовищный страх. Вначале он подумал, что это песок запорошил ему глаза, но потом понял, что не ошибся: море придвигалось все ближе и ближе, поглощая все больше и больше песка, волны становились все выше и пенистей...

Прилив наступал. Ровер лежал как раз чуть ниже линии высшей его отметки, — но ведь бедный пес совсем ничего об этом не знал! Он все больше приходил в ужас от происходящего и уже представлял себе, как бурлящие волны вплотную придвигаются к скалам и смывают его в покрытое пеной море (что гораздо хуже, чем любое купание в мыльной пене).

И все это время он продолжал жалко «просить»... Такое на самом деле могло произойти — но не произошло. Смею предположить, что Псаматос имел ко всему этому некоторое отношение: как мне представляется, заклятье, тяготившее над Ровером, не так сильно действовало в той странной бухте, в непосредственной близости от резиденции другого мага.

Как бы там ни было, когда море подошло уже почти вплотную и Ровер уже почти обезумел от

ужаса, мучительно пытаясь откатиться хоть немного повыше, он внезапно обнаружил, что может двигаться.

Нет, его величина не изменилась, но он больше не был игрушкой — он мог двигать всеми лапами быстро-быстро, как надо, хотя на дворе и стоял день! Он больше не должен был «служить», и у него была возможность бежать туда, где песок был более твердым! И еще: он мог лаять — не игрушечным, а настоящим, хотя и соответствовавшим его волшебной величине лаем!

Пес был в таком восторге и лаял так громко, что, если бы вы находились поблизости, вы бы ясно услышали его голос — будто дальнее эхо, донесенное ветром холмов.

И тут внезапно песчаный колдун высунул из песка голову. Ростом он был с очень большую собаку и чрезвычайно уродлив. Роверу же при его нынешней величине он показался просто чудовищным. Пес даже на задние лапы присел и мгновенно прекратил лаять.

— По какому поводу такой шум, малыш? — сказал Псаматос Псаматидес. — В это время дня я сплю.

На самом деле он мог спать в любое время суток, если не

происходило ничего, что могло бы доставить ему удовольствие, — танец руса лок в бухте, например (разумеется, с его личного разрешения). В таком случае он полностью вылезал из песка и сидел на самом краю скалы, откуда было лучше видно. В воде русалки очень грациозны, но когда они пытаются танцевать на берегу, стоя на хвосте... Псаматосу это представлялось очень забавным.

— В это время я сплю, — повторил он, поскольку Ровер не ответил. Но тот все молчал и лишь вилял хвостом, будто извиняясь таким образом.

— Ты знаешь, кто я такой? — спросил колдун. — Я — Псаматос Псаматидес, глава всех псаматистов! — Он произнес это еще несколько раз, очень гордо и отчетливо, выговаривая каждую букву, и с каждым «Пс» из его носа выдувалось целое облако песка. Ровер оказался почти погребенным под ним. Пес сидел такой перепуганный и такой несчастный, что песчаному колдуну стало его жалко. Он внезапно перестал смотреть свирепо и рассмеялся:

— Ты очень смешной, малыш! Нет, правда, песик, я не помню, чтобы когда-нибудь видел такую крохотную собачку.

И он снова засмеялся, а затем вдруг посерьезнел.

— Не поругался ли ты в последнее время с кем-нибудь из волшебников? — прищурился один глаз, спросил он почти шепотом. И выглядел он при этом таким дружелюбным и таким знающим, о ком идет речь, что Ровер рассказал ему все. Возможно, в этом и не было необходимости, потому что, как я уже говорил вам, Псаматос, вероятно, и так все знал. Тем не менее Ровер почувствовал себя гораздо лучше, рассказав свою историю кому-то, кто казался таким понимающим, и кто, вне всякого сомнения, обладал бо́льшим чувством смысла, чем обыкновенные игрушки.

— Это был волшебник что надо, — сказал колдун, когда Ровер завершил свой рассказ. — Старина Артаксеркс, судя по твоему описанию. Он родом из Персии. Но, как это бывает иногда даже с самыми лучшими из волшебников, если они покидают свой дом — в отличие от меня, не делаящего этого никогда, — в один прекрасный день, возвращаясь к себе, он сбился с пути. Первый, кто ему попался, вместо Персии направил его в Першор*. С тех пор он так и живет в тех краях, лишь изредка устраивая себе каникулы, чтобы проветриться. Говорят, для старика он чрезмерно падок на сладкое. И обожает сливы: может съесть до двух тысяч в день. И чрезвычайно увлекается сидром. Гм... но это я так, к слову...

Тем самым Псаматос дал понять, что отклонился от основной темы.

— Вопрос в том, чем же я сумею тебе помочь?

— Я не знаю, — сказал Ровер.

— Ты, вероятно, хочешь домой? Боюсь, я не могу вернуть тебе твою прежнюю величину — во всяком случае, не испросив сначала разрешения у Артаксеркса. У меня нет сейчас охоты с ним ругаться. Хотя, думаю, отправить тебя домой я бы мог. В конце концов, Артаксеркс ведь всегда может услатить тебя куда-нибудь снова, если ему так уж этого захочется. Впрочем, если он действительно сильно раздражен, то в следующий раз может заслатить тебя в какое-нибудь гораздо худшее место, нежели магазин игрушек...

Роверу услышанное совсем не пришлось по вкусу, и пес рискнул сказать, что, если он вернется домой таким маленьким, его, наверное, не признает никто, кроме кота Тинкера, а ему вовсе не хотелось бы, чтобы Тинкер признал его в нынешнем виде.

— Что ж, прекрасно, — сказал Псаматос. — Тогда подумаем о чем-нибудь еще. А кстати, поскольку в данный момент ты опять

настоящий, не хочешь ли ты что-нибудь съесть?

Прежде чем Ровер успел сказать: «Да, пожалуйста! ДА!! ПОЖАЛУЙСТА!!!» — на песке прямо перед ним возникли крошечная тарелочка с хлебом и мясной похлебкой, и две крошечные косточки — именно того размера, который ему был нужен, и маленькая, доверху полная воды миска, на которой маленькими синими буквами было написано: «Пей, песик, пей». Он съел и выпил все и только потом спросил: «Как вы это сделали?.. Спасибо».

Мысль добавить «спасибо» осенила его внезапно, так как он вспомнил, что волшебники и существа подобного рода, похоже, весьма неравнодушны к таким вещам.

Псаматос только улыбнулся. Ровер же улегся на горячий песок и сразу уснул. И снились ему кости и кошки, которых он загонял на сливовые деревья и которые оборачивались волшебниками в зеленых шляпах, швырявшими в него гигантскими, похожими на мозговые кости сливами. А ветер дул ровно и мягко и наносил песок, засыпая Ровера чуть не выше головы...

Вот почему мальчики так и не нашли пса, хотя они еще раз специально спустились в бухту, когда малыш обнаружил свою пропажу. На этот раз с ними был их отец. И они искали и искали до тех пор, пока солнце не начало снижаться и не настало время ужина. Тогда отец забрал детей домой, ибо он слышал об этом месте слишком много странного и не мог позволить детям дольше там оставаться.

Спустя некоторое время мальчику купили обычную трехпенсовую собачку (в том же самом магазине). Но он так и не мог забыть свою маленькую «просящую» собаку, хотя и обладал ею совсем недолго.

Однако это было потом.

А сейчас вы можете представить его сидящим за чаем, очень печального, вообще безо всякой собаки... тогда как в это же время далеко-далеко оттуда некая старая дама — хозяйка Ровера, так дурно воспитавшая нашего пса в бытность его обыкновенной собакой нормального размера, — пишет объявление о пропаже щенка: «...белый, с черными ушами, откликается на кличку Ровер»...а сам Ровер спит себе на песке... в то время как Псаматос мало-помалу продвигается все ближе и ближе к нему, сложив свои коротенькие ручки на пухленьком животике...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда Ровер проснулся, солнце стояло очень низко. Тень от скал пролегла по песку. Псама- тоса нигде не было видно.

Совсем близко от пса, поглядывая на него искоса, стояла большая морская чайка, и на какой-то миг Ровер испугался, что она собирается его съесть. Но чайка произнесла:

— Добрый вечер! Я давно жду, когда ты проснешься. Псаматос сказал, что ты должен проснуться к ужину, но сейчас уже гораздо позже.

— Скажите, пожалуйста, а что я должен делать, мистер Птица? — спросил Ровер очень вежливо.

— Меня зовут Мью, — сказала чайка, — и я заберу тебя отсюда, как только взойдет луна и появится лунная дорожка. Но перед этим нам надо еще кое-что сделать. Влезай-ка мне на спину — посмотрим, как тебе понравится летать.

Поначалу Роверу совсем не понравилось летать.

Это было еще терпимо, пока Мью держался близко к земле, скользя ровно и спокойно на недвижных, широко раскинутых крыльях. Но когда он пулей выстреливал вверх или мгновенно бросался из стороны в сторону, каждый раз под разным углом, или падал вниз внезапно и круто, будто собираясь нырнуть в море, маленький пес, у которого в ушах завывало от ветра, больше всего на свете мечтал очутиться опять в безопасности на твердой земле.

Он несколько раз сказал об этом, но в ответ услышал лишь: «Держись крепче! Мы еще и не начинали!»

Так они полетали недолго, и Ровер только-только начал привыкать — и немного уставать, как вдруг: «Стартуем!» — вскричал Мью, и пес чуть не «стартовал» со спины. Потому что Мью, как ракета, взмыл ввысь и с огромным ускорением взял курс прямо по ветру.

Вскоре они были уже так высоко, что Ровер смог увидеть, как далеко-далеко за темными холмами солнце заходит прямо за край земли. Они устремили свой полет к гигантским черным скалам, так круто обрывавшимся в море, что нечего было и думать по ним карабкаться. Ничего не росло на их гладкой поверхности, покрытой каким-то белесым, тускло светившимся в сумерках налетом. У подножия гулко плескалось и хлюпало море. Сотни морских птиц ютились на узких скальных уступах. Одни пе-

рекликались скорбными голосами, другие сидели безмолвно, нахохлившись. Время от времени какая-нибудь из них вдруг срывалась со своего насеста, чтобы выписать в воздухе крикую перед тем, как нырнуть в море — такое далекое, что его волны казались сверху всего лишь морщинками.

Это было жилище Мью, и ему перед отлетом нужно было повидаться кое с кем из своего народа, и самое главное — со старейшими, самыми уважаемыми Чернопинными чайками: он должен был взять у них кое-какие послания. Итак, он оставил Ровера на одном из уступов, гораздо более узком, нежели дверная приступка, и велел ему ждать и не сваливаться.

Можете быть уверены, что Ровер приложил все усилия к тому, чтобы не свалиться, с трудом удерживаясь под сильными боковыми порывами ветра, и что все это ему совершенно не нравилось. Он жался к самой поверхности скалы и поскуливал. Словом, это было ужасно неприятное место, никак не предназначенное для пребывания там заколдованных и одолеваемых заботами маленьких собачек.

Наконец отсветы солнца полностью растаяли в небе. С моря поднялся туман, и в сгущающейся тьме начали загораться первые звезды. И вот, оставив море далеко внизу, круглая и желтая, над туманом всплыла луна и проложила по воде сверкающую дорожку. Вскоре возвратился Мью и подхватил Ровера, который уже начал было дрожать от страха. После холодной скалы перья птицы показались ему такими теплыми и уютными, что пес зарылся в них как можно глубже.

И вот Мью подпрыгнул высоко в воздух над морем, и все чайки сорвались со своих уступов и издали, прощаясь, пронзительный крик, в то время как Мью с Ровером уже устремились прочь от

берега вдоль лунной дорожки, протянувшейся теперь прямым к темному краю мира.

Ровер ни в малейшей степени не представлял себе, куда ведет лунная дорожка, и был в тот момент слишком перепуган и возбужден, чтобы задавать вопросы. Однако он начал уже немного привыкать к тому, что с ним происходят необычные вещи.

По мере того как они летели над мерцавшим серебряным морем, луна поднималась все выше и выше и делалась все белее и ярче, до тех пор, пока уже ни одна звезда не осмеливалась светить рядом с ней. И вот уже она одна-единственная сияла на востоке небосклона.

Было очевидно, что Мью летит по велению Псаматоса и туда, куда пожелал Псаматос; и, очевидно, Псаматос помогал Мью своей магией — ибо тот летел гораздо быстрее и ровнее, чем могут летать самые огромные чайки, даже когда они мчатся наравне с ветром. И тем не менее прошли целые столетия, прежде чем Ровер увидел что-либо еще, кроме лунного сияния и моря далеко внизу. И все это время луна становилась все больше и больше, а воздух все холодней и холодней.

Внезапно взгляд песика уловил нечто темное на краю моря. Пятно росло, пока, наконец, Ровер не понял, что это остров. Его ушей достиг разносящийся далеко над водой отзвук чудовищного лая, в котором смешались все его возможные оттенки: визг и вой, ворчанье и рычание, огрызание и хныканье, твяканье и скулеж, издевка и злоба, лицемерие и мольба... И среди всех голосов выделялся один, самый ужасающий — такой лай могла бы издавать гигантская голодная кровожадная ищейка во дворе дома людоеда. Шерсть у Ровера на загривке внезапно встала дыбом, и он подумал, что вот было бы здорово спуститься туда и

полаять со всеми этими собаками вместе взятыми... Но вовремя вспомнил, какой он маленький.

— Это Остров собак, — сказал Мью. — Или, иначе, Остров бездомных собак. Сюда попадают все бездомные собаки, которые того заслужили, и еще некоторые, которым просто повезло. Я слышал, для них это совсем недурное место. Они могут шуметь тут, сколько душе угодно: никто не закричит на них, не швырнет желтым предметом. Им очень нравится лаять вместе, и они наслаждаются этим замечательным концертом каждый раз, как взойдет луна. Мне говорили, на острове есть костные деревья, плоды которых подобны мозговой кости с сочной сердцевиной. Когда плод созревает, он падает с дерева.

Но нет, мы летим не туда! Ты ведь понимаешь, что не можешь в полной мере называться собакой, хотя ты уже и не совсем игрушка. Честно говоря, полагаю, Псаматос хорошенько поломал голову прежде чем решил, что с тобой делать, когда ты сказал, что не хочешь домой.

— Куда же мы летим? — спросил Ровер. Он огорчился, что не сможет поближе познакомиться с Островом собак, особенно когда услышал о костных деревьях.

— Прямо вверх по лунной дорожке — к краю мира, а затем через край и на Луну. Так сказал старый Псаматос.

Роверу совсем не понравилась идея лететь за грань мира. К тому же Луна выглядела такой холодной...

— Но почему на Луну? — спросил он. — В мире полным-полно мест, где я никогда не был. Я ни от кого не слышал, чтобы на Луне были кости или хотя бы собаки.

— Ну, по крайней мере, одна собака там точно есть — у Человека-на-Луне. И так как он — человек весьма достойный и, кроме

того, величайший из всех магов, у него наверняка должны быть кости для его собаки, а значит, и для гостей, очевидно, найдутся.

Что же касается того, почему тебя послали именно туда, беру на себя смелость утверждать, что ты узнаешь это, когда придет время, — если, конечно, не будешь неудачно шутить и все время ворчать. Вообще не понимаю, почему Псаматос столь великодушно о тебе заботится. Совершенно не похоже на него делать что-либо без значительной на то причины; ты же ни с какой стороны не выглядишь значительным.

— Спасибо, — сказал Ровер, чувствуя себя совсем подавленным. — Несомненно, очень мило со стороны всяких волшебников так беспокоиться обо мне, хотя иногда это и несколько утомительно. Никогда не знаешь, что произойдет дальше, стоит лишь раз столкнуться с волшебниками и их друзьями...

— На самом деле это гораздо большая удача, чем того заслуживает какой-то твякающий щенок, — промолвила чайка, после чего они долго не разговаривали. Луна становилась все больше и ярче, а мир под ними — все темнее и отдаленнее. Наконец — и все-таки внезапно — мир кончился, и Ровер увидел звезды, сияющие из черноты у них под ногами. Далеко-далеко внизу ему была видна белая, искрящаяся в лунном свете водяная пыль — там, где водопады переливались через край мира и обрушивались напрямик в пространство. Это заставило песика почувствовать себя еще неувереннее. У него закружилась голова, и он предпочел поглубже закопаться в перья Мью и надолго зажмуриться.

Когда же он снова открыл глаза, под ними вся, целиком лежала Луна: новый белый мир, сверкающий, как снег, с далеко открытыми просторами, на которых раскинули свои длинные голубые и зеленые тени остроконечные горы.

На вершине самой высокой из гор, такой высоченной, что казалось, она сейчас проткнет их — именно в этот момент Мью ринулся вниз, — Ровер увидел белую башню. Расчерченная розовыми и бледно-голубыми узорами, она поблескивала так, словно была сложена из миллионов влажных, мерцающих морских ракушек. Башня стояла на самом краю белой пропасти — белой, словно меловые скалы, и при этом сверкавшей ослепительнее, чем, бывает, сверкнет блик лунного света в далеком окне безоблачной ночью. Насколько пес мог видеть, на скале не было и следа какой-либо тропы. Впрочем, это было неважно, потому что Мью уже планировал вниз и буквально через секунду совершил посадку на крыше башни, на такой головокружительной высоте над лунным миром, что его родные черные скалы в сравнении с ней показались бы совсем низкими и безопасными.

К величайшему изумлению Ровера, в тот же миг сбоку в крыше открылась маленькая дверца, и наружу высунулась голова с длинной серебристой бородой.

— Неплохо летели, неплохо! — закричал старичок. — Я засекаю время с момента, как вы пересекли край мира: тысяча миль в минуту, я думаю. Хорошо, что не врезались в мою собаку. Где ее черти носят по всей Луне, хотел бы я знать?.. И он вытянул наружу необъятный телескоп и приложил к нему один глаз.

— Вот он! Вот он! — завопил старик куда-то вверх. — Опять пристаёт к лунным зайчикам*, пропади он пропадом... А ну, спускайся! Спускайся немедленно! — И вслед за тем он засвистел на одной долгой, ясной, звонко-серебряной ноте.

Ровер поглядел вверх, думая, что этот смешной старичок, должно быть, сумасшедший, если свистит своей собаке в небо, но, к своему вящему изумлению, увидел высоко-высоко над башней

маленькую белую собаку с белыми крыльями, гонящуюся за чем-то похожим на прозрачных бабочек.

— Ровер! Ровер! — звал старичок; и в тот самый миг, когда наш Ровер вскочил на ноги на спине Мью, чтобы ответить: «Я здесь!» — не успев удивиться, откуда старичок знает его имя, — он увидел, что летающая собака провит прямоком вниз и «прилуняется» старичку на плечо. Тут наш пес понял, что собаку Человека-на-Луне тоже зовут Ровером. Это ему совсем не понравилось. Но так как никто не обратил на него внимания, он снова сел и начал рычать сам с собой. У пса Человека-на-Луне были чуткие уши. Он мгновенно прыгнул на крышу башни и принялся лаять, как сумасшедший, а затем сел и зарычал:

— Кто привез сюда другую собаку?!

— Какую другую собаку? — спросил Человек.

— Этого дурацкого щенка на спине у чайки, — ответил лунный пес.

Тут уж, разумеется, Ровер снова вскочил и залаял так громко, как только мог:

— Сам ты дурацкий щенок! Кто только позволил тебе зваться Ровером? Да ты больше смахиваешь на кошку или летучую мышь, чем на собаку! Из этого вы можете понять, что псы сразу собрались подружиться. Просто таким образом у собак принято обращаться к подобным себе чужакам.

— Эй, вы, оба, а ну-ка, летите прочь! И прекратите этот шум! Мне надо побеседовать с почтальоном, — произнес Человек.

— Пошли, крохотулька, — пролаял лунный пес, и тут Ровер вспомнил, что он действительно всего-навсего крохотулька — даже по сравнению с лунным псом, просто маленьким. И вместо того чтобы пролаять в ответ что-нибудь невоспитанное, он сказал

только:

— Я бы и пошел, если б у меня были какие- никакие крылья и если бы я знал, как летают.

— Крылья? — сказал Человек-на-Луне. — Нет ничего легче. Бери и катись!

Мью засмеялся и действительно скатил его со спины прямо через край башенной крыши. Ровер успел лишь ахнуть и едва начал представ- лять себе, как падает и падает много-много миль, подобно камню, прямо на торчащие в до- лине белые скалы, как внезапно обнаружил, что является обладателем прекрасной пары бе- лых с черными пятнами крыльев — точь-в-точь под стать ему самому. Но все равно он падал долго, прежде чем смог остано- виться, так как, естественно, еще не при- вык к крыльям.

О да, ему понадобилось некоторое время, что- бы привыкнуть к ним. Однако еще задолго до того, как Человек закончил раз- говаривать с Мью, Ровер уже пытался гоняться за лунным псом вокруг башни. Он как раз начал слегка уставать, когда лун- ный пес нырнул вниз и, спикировав к вершине горы, приземлился на самом краю обрыва у под- ножия стены. Ровер последовал за ним, и вско- ре они уже сидели бок о бок со свешенными языками, переводя дыхание.

— Так, значит, тебя назвали в мою честь Ровером? — спросил лунный пес.

— Не в твою честь, — ответил наш Ровер. — Я уверен: моя хо- зяйка, давая мне имя, никог- да не слышала о тебе.

— Это неважно. Я был самой первой собакой, названной Рове- ром когда бы то ни было, тыся- чи лет назад. Поэтому ты должен быть назван Ровером именно в честь меня.

Да, я действительно был Ровером, бродягой!* Никогда и нигде

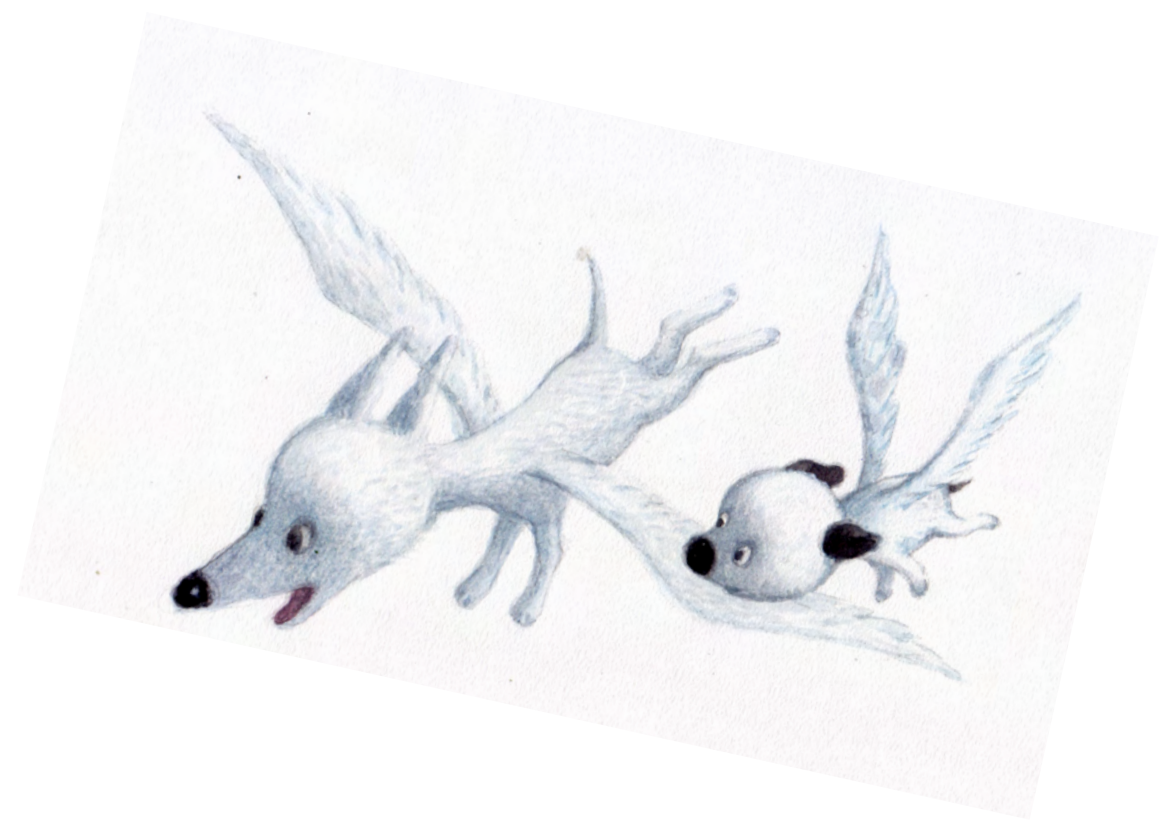
не оставался надолго и никог- да никому не принадлежал, пока не попал сюда. С тех пор как я был щенком, я не занимался ни- чем иным, кроме как убегал. Бегал и бегал до тех пор, пока в одно прекрасное утро — уди- вительно прекрасное, когда солнце сияло мне прямо в глаза, — не свалился, гоняясь за бабочками, через край мира.

Отвратительное ощущение, должен тебе сказать! К счастью для меня, как раз в этот момент под миром проходила Луна, и, спустя жуткий промежуток времени, пока я проваливался сквозь облака, и врезался в падающие звезды, и все такое-прочее, я упал на нее. Шмякнулся в одну из тех громадных серебряных паутин, что развешивают здесь от горы до горы гигантские серые пау- ки. И паук тут как тут — уже спускался по своему трапу, чтобы замариновать меня и утащить в свою кладовку, когда появил- ся Человек-на-Луне.

Он видит абсолютно все, что происходит по эту сторону Луны, с помощью своего телеско- па. Пауки боятся его, потому что он не трогает их, только если они прядут для него серебря- ные нити и канаты. Он имеет все основания подозревать пауков в том, что они ловят его лун- ных зайчиков, хотя он и не позволяет им это- го. А они делают вид, что живут только за счет дракономотыльков и летучих тенемышей. Как-то раз он нашел крылья лунных зайчи- ков в кладовке у одного паука и превратил этого паука в камень быстрее, чем ты бы глазом мор- гнул.

Ну, так вот, он вытащил меня из паутины, потрепал по за- гривку и сказал:

— Это было пренеприятное падение. Лучше тебе иметь пару крыльев во избежание подобных случайностей. Ну, лети и забав- ляйся! Не приставай к лунным зайчикам и не убивай моих белых

кроликов. И приходи домой, когда про- голодаешься, — окно в крыше всегда открыто.

Я подумал, что он — человек порядочный, хотя и немного чокнутый. Но не заблуждайся на этот счет — я имею в виду, относительно чок- нутости. Я никогда не посмею всерьез испугать его лунных зайчиков или его кроликов. Он спо- собен вмиг превратить тебя во что-нибудь совершенно кошмарное.

Ну, а теперь расскажи, почему ты прилетел сюда с почтальоном?

— С почтальоном? — переспросил Ровер.

— Разумеется. Мью — почтальон старого песчаного колдуна, — произнес лунный пес.

Едва Ровер закончил повесть о своих при- ключениях, как послышался свист Человека. Они мигом взлетели на крышу. Старик сидел там, свесив ноги через край, и, быстро распе- чатывая письма, выбрасывал конверты. Ветер подхватывал их, закручивал

штопором и уно- сил в небо, а Мью летел за ними, ловил и клал обратно в маленький мешочек.

— Я как раз читаю про тебя, Роверандом, мой пес, — сказал он. — Я зову тебя Роверандом, и Роверандомом будешь ты, ибо у меня здесь не может быть двух Роверов. И я вполне согласен с моим другом Саматосом (я не собираюсь вставлять всякие там смехотворные «П» для того только, чтобы ублажить его), что тебе лучше побыть некоторое время здесь. Я получил также письмо от Артаксеркса — если тебе известно, кто это такой, и даже если тебе это неизвестно, — где он просит меня отослать тебя напрямиком назад. Похоже, он сильно раздражен тем, что ты убежал, и что Саматос помог тебе. Но куда ты находишься здесь, нам можно не беспокоиться о нем, равно как и о тебе.

А теперь летите и забавляйтесь. Не приставайте к лунным зайчикам и не убивайте моих белых кроликов. И возвращайтесь домой, когда проголодаетесь. Пока! Окно в крыше всегда открыто.

И он мгновенно растворился в разреженном воздухе. А ведь только тот, кто никогда на Луне не бывал, и может рассказать вам, какой разреженный там воздух.

— Ну, что ж, счастливо, Роверандом, — промолвил Мью. — Надеюсь, ты получаешь удовольствие, причиняя хлопоты волшебникам. Прощай, пока! Не убивай белых кроликов, и все еще, возможно, будет хорошо — ты благополучно вернешься домой, хочешь ты того или нет.

И Мью улетел столь стремительно, что прежде чем вы бы успели сказать «фью-у-у!», он уже был точкой в небе — и исчез.

Теперь Ровер не только был размером с игрушку, его и звали теперь по-другому. И он был вынужден оставаться на Луне одинешенек — не считая, разумеется, Человека-на-Луне и его

пса.

Роверандом, как мы теперь тоже будем называть его во избежание путаницы, не возражал ни против чего. Иметь крылья оказалось делом таким увлекательным, а Луна давала так много новых впечатлений и, как выяснилось, была таким исключительно интересным местом, что он забыл и думать, для чего бы это Псаматосу понадобилось посылать его сюда. И много времени утекло, прежде чем он это понял.

А между тем он пережил множество самых разнообразных приключений, как в одиночку, так и вместе с лунным Ровером.

Вообще-то он не слишком часто отлетал далеко от башни, ибо на Луне, и особенно на светлой ее стороне, насекомые велики и свирепы. И в большинстве своем они столь бесцветны и прозрачны, и столь бесшумны, что, даже если бы они подкрались к вам совсем близко, вы бы вряд ли увидели или услышали их.

Там были очень коварные мухи-меченосцы, большие белые дракономотыльки с огненными глазами, стеклянные жуки с челюстями наподобие стальных капканов; и бледные единорожки с жалом, разящим, словно копьё; и пятьдесят семь разновидностей пауков, готовых сожрать все, что бы они ни поймали; и самые ужасные из всех лунных насекомых — летучие тенемыши.

Одни только лунные зайчики, сверкающие и трепыхающиеся, не представляли никакой опасности, и их Ровер не боялся.

Роверандом поступал так, как поступали на этой стороне Луны птицы: он летал мало и преимущественно около дома либо на открытом пространстве с хорошей видимостью — подальше от мест, где могли бы прятаться насекомые. И передвигался он очень тихо, особенно в лесах. Вообще большинство существ здесь старались не производить никакого шума. Даже птицы не щебетали.

Единственные слышимые звуки производили растения. Множество цветов — белокольчики, яснокольчики, серебрянокольчики, звяко-локольчики, звонерозы и рифмоцарски, крохос-висты, жеструбы и кремалторны (светло-светло-кремовые), и многие-многие другие с совсем уж непереводаемыми названиями весь день напролет издавали мелодичные звуки. А перистые травы и папоротники — небывалоструны, полифоники, меднодуховозычки и, кроме того, все стучащие и трещащие в лесах, равно как и все тростничковые в молочно-белых прудах, не переставали музицировать тихо и нежно даже ночью. Поистине еле слышимая изысканная музыка не прекращалась там никогда.

Но птицы молчали. Большинство из них были совсем крошечные. Они скакали в серой траве под деревьями, увертываясь от мух и всегда готовых наброситься на них зудопчел. Многие давным-давно утратили крылья или забыли, как ими пользоваться. Роверандом тревожил их в гнездах на земле, когда медленно проплывал через бледные травы, охотясь на маленьких белых мышей или вынюхивая серых белок на опушках лесов.

Что это были за леса! Затканые серебрянокольчиками, звонящими все сплошь тихо и в лад, тянущие колоннадой вверх из этого серебряного ковра длинные черные стволы, покрытые никогда не опадающей светло-голубой листвой — столь густой, что ни один, даже самый сильный телескоп на Земле не дал бы возможности увидеть ни этих стволы, ни серебрянокольчиков под ними...

В более позднее время года все деревья одновременно вспыхивали бледно-золотыми цветами; и поскольку леса Луны практически не имеют края, это, несомненно, оказывало влияние на ее цвет — если глядеть снизу, из нашего мира.

Однако не стоит думать, что Роверандом все свое время проводил около дома. В конечном счете ведь собаки знали, что Человек видит все и всегда придет к ним на помощь. Поэтому они пускались во множество авантюр и были участниками многих увлекательных приключений.

Иногда они отправлялись странствовать, на много дней забывая про дом. Раз или два они совершали вылазки в дальние горы. Сидя там на белых скалах, они оглядывались назад, на сверкавшую далеко-далеко иглу лунной башни, и наблюдали за крохотными, не крупнее лунного Ровера, овцами, стада которых перемещались по склонам холмов. У каждой овцы на шее висел золотой колокольчик, звеневший всякий раз, как она переступала с места на место, набивая полный рот сочной серой травой. И все колокольчики звенели вместе, как единое звучие, и все овцы сверкали, как снег, и никто никогда не тревожил их. Оба Ровера были слишком хорошо воспитаны (и побаивались Человека-на-Луне), а других собак там не было, равно как не было коров, лошадей, львов, тигров, волков... Да-да, совсем никого из четвероногих, более крупных, нежели кролики и белки, и те игрушечного размера. Единственное исключение составлял изредка попадавший в поле зрения, казавшийся огромным белый слон ростом почти с осла. Я не упомянул здесь драконов, потому что они покуда еще не проникли в нашу историю. Тем не менее они были там, но очень далеко от башни, ибо все ужасно боялись Человека-на-Луне. За исключением одного. (Но даже он наполовину боялся...)

Когда бы собаки ни возвращались к башне, влетая в окно, они всегда находили обед свежесготовленным — как если бы они предупредили о времени своего прибытия. Но при этом они редко видели Человека. Он был занят внизу, в подвалах, откуда

вырывались клубы белого пара и облака серого тумана и плыли по ступеням вверх, уносясь в распахнутые окна.

— Что он там делает наедине с собой целый день? — спросил Роверандом Ровера.

— Что делает? — переспросил лунный пес. — О, он всегда ужасно занят. Кстати, с тех пор, как ты прибыл к нам, он выглядит еще более занятым. Я полагаю, он делает сны.

— Зачем ему делать сны?

— М-м, для обратной стороны Луны. На этой стороне ни у кого снов не бывает — все сновидцы уходят туда.

Роверандом сел и почесался: ему не показало, что такое объяснение хоть что-то прояснило. Однако лунный пес ничего больше не смог ему растолковать, и если вы спросите мое мнение, то я полагаю, что он и не знал об этом больше ничего.

Как бы там ни было, вскоре случилось нечто, заставившее все подобные вопросы улетучиться из головы Ровера. Дело в том, что собаки попали в одну увлекательнейшую переделку. Я бы даже сказал, чересчур увлекательную — пока она происходила. И случилось это по их собственной вине.

Они отсутствовали дома уже несколько дней и зашли гораздо дальше, чем когда-либо с тех пор, как Ровер попал на Луну; и они абсолютно не заботились о том, чтобы подумать, куда несут их ноги. На самом деле они сбились с пути и все отдалялись и отдалялись от башни, полагая при этом, что возвращаются домой. Лунный пес утверждал, что облазил всю светлую сторону Луны и знает ее наизусть (в действительности он был весьма склонен к преувеличениям). Однако со временем и он был вынужден признать, что местность выглядит несколько странно.

— Боюсь, я очень давно здесь не был, — промолвил он нако-

нец, — и начал немножко забыть это место.

На самом-то деле он никогда прежде здесь не был. Нечаянно они забрели слишком близко к полутени на краю темной стороны Луны — туда, где в сумерках среди всяких полузабытых вещей искажаются пути и воспоминания. В тот самый момент, когда они определенно уверили себя, что находятся на правильном пути домой, они вдруг с изумлением обнаружили перед собой какие-то высоченные горы — безмолвные, голые, зловещие; и лунный пес уже больше не претендовал на то, что видел их когда-либо раньше. Они были серые, а не белые, выглядели так, словно были сложены из старого остывшего пепла; и лишенные признака жизни длинные туманные долины пролегли между ними.

Затем пошел снег. На Луне часто идет снег, но «снег» этот (как его там называют), обычно приятный, теплый и совершенно сухой, оборачивается чудесным белым песком, который вдобавок полностью улетучивается. Этот же был похож на наш: он был сырой и холодный. И грязный.

— Я чувствую себя так, будто я бездомный, — сказал лунный пес. — Это совсем как та штукавина, которая так часто падала с неба в городе, где я жил щенком, в том мире — ну, ты знаешь... Ох, ну и печные же трубы там были: высоченные, как лунные деревья! И черный дым, и алый огонь очага... Иногда я чувствую, что устаю от белого цвета. На Луне кошмарно трудно настоящему вымазаться.

Теперь вы можете в некоторой степени представить себе вкусы лунного пса. И поскольку сотни лет назад таких городов в мире не было, вы можете предположить также, что он весьма сильно преувеличивал и время, прошедшее с момента его падения через край мира.

Однако именно в этот момент большой и грязный снежный комок залепил ему левый глаз, и он изменил свое мнение.

— Я думаю, эта ерунда заблудилась и свалилась из того мерзкого старого мира, пропади он к крысам и кроликам! — произнес он. — И мы тоже, похоже, заблудились! Давай поищем какую-нибудь дыру и зароемся в нее.

Чтобы найти хоть какую-то дыру, понадобилось некоторое время, и они успели ужасно промокнуть и замерзнуть. Они чувствовали себя так скверно, что, к сожалению, забились в первое попавшееся укрытие, не приняв мер предосторожности, что необходимо делать в первую очередь, когда находишься в незнакомом месте на самом краю Луны. Укрытие, в которое они влезли, не было дырой — оно было пещерой, и преобладающей. В ней было темно и сухо.

— Здесь премило и довольно тепло, — промолвил лунный пес, закрыл глаза и немедленно погрузился в дремоту.

— Оу! — взвизгнул он почти сразу же, в одно мгновение приходя в себя, как это умеют собаки. — Здесь слишком тепло!

Он вскочил на ноги. Было слышно, как в глубине пещеры лает маленький Роверандом. И когда он пошел посмотреть, в чем дело, то увидел струйку огня, тянущуюся по полу в их сторону. В тот миг он больше не чувствовал себя бездомным, тоскующим по огню очага. Он схватил Роверандома за загривок, быстро, как молния, кинулся вон из пещеры и, выскочив из нее, буквально взлетел на вершину скалы, находившейся рядом со входом.

Там они и сидели, дрожа и глядя на вход; и это было чрезвычайно глупо с их стороны. Им бы надо было нестись домой — или куда угодно — быстрее ветра. Как вы видите, лунный пес знал о Луне не все, иначе он знал бы, что это было логовище Великого

Белого Дракона — того самого, который боялся Человека лишь напо- ловину (и то лишь, когда тот бывал рассержен). Сам Человек слегка опасался Белого Дракона.

«Эта чертова тварь», — называл он его, когда вообще упоминал о нем. Как вам, вероятно, хорошо известно, все белые драконы происходят с Луны. Однако этот побывал в нашем мире и вернулся обратно, так что он кое-что повидал. Это он сражался с Красным Драконом в Пещере драконов во времена Мерлина — о чем вы можете прочесть во всех наиболее достоверных книгах по истории того времени, — после чего тот, другой дракон стал О-очень Красным. Это он позже причинил много вреда на Трех Островах. Оттуда он направился на вершину Сноудона, где жил некоторое время. И пока он там находился, люди не ут- руждали себя скалолазанием — за исключени- ем одного, которого Дракон чуть было не пой- мал, когда тот выпивал прямо из горлышка. Человек этот свернул свое занятие столь быстро, что бутылка так и осталась валяться на верши- не, дав основание множеству людей следовать сему дурному примеру.

Долгое время спустя, вскоре после исчезно- вения короля Артура, в эпоху, когда драконьи хвосты стали почитаться большим деликатесом у саксонских королей, Дракон перелетел отгу- да в Гвинфа. Гвинфа находится совсем непода- леку от края мира, и оттуда было несложно пе- релететь на Луну, особенно столь мощ- ному и чудовищно гадкому дракону, как этот. С тех пор он так и жил на краю Луны, поскольку не знал точно, насколько сильными могут быть заклинания и ухищрения Человека-на-Луне.

Тем не менее это не мешало ему время от вре- мени вмещи- ваться в цветовую гамму Луны.

Иногда, когда у него случались драконьи пи- рушки или при-

ступы раздражения, он испус- кал из своей пещеры настоящее пламя, крас- ное или зеленое; и нередко оттуда вылетали тучи дыма. Раз или два он всю Луну затягивал красным дымом, так что совершенно гасил ее свет. В таких случаях Человек-на-Луне наглухо запирался у себя (и запирал свою собаку) и го- ворил только: «Опять эта чертова тварь!» Он ни- когда не объяснял, ка- кая тварь или где она живет, — он просто спускался в подвалы, рас- купоривал свои лучшие заклинания и старал- ся прояснить порядок вещей так быстро, как только было возможно.

Теперь вы знаете все. И если бы собаки зна- ли хотя бы поло- вину этого, они не стояли бы на месте. Но они стояли по меньшей мере столько времени, сколько понадобилось мне, чтобы объяс- нить вам, что такое Белый Дракон. И за это время весь Дракон целиком — белый, с зе- леными глазами, поминутно испускаю- щий зе- леный огонь и выдыхающий, подобно парово- зу, клубы черного дыма, выполз из пещеры.

Затем он издал совершенно ужасающий рев. Горы содрог- нулись и отозвались эхом. Снег испарился, лавины обрушились, водопады за- стыли.

У Дракона были крылья, похожие на паруса кораблей (когда те еще были парусниками, а не паровыми машинами). И он не остановился бы ни перед чем, чтобы убить кого угодно, на- чи- ная с мыши и кончая императорской доче- рью. Он был настроен убить этих двух собак, о чем и предупредил их несколько раз, прежде чем подняться в воздух.

Это была его ошибка: псов как ветром сдуло с их скалы. И они с такой скоростью понеслись оттуда прямо по ветру, все быстрее и быстрее, что сам Мью был бы горд за них.

Дракон последовал за ними, хлопая крыль- ями, как дракон-

хлопушка, и треща ими, как дракон-трещотка, сбивая верхушки гор и заставляя все овечьи колокольчики звонить, как колокол при пожаре. (Теперь вы поняли, для чего были нужны колокольчики?!)

К счастью, на сей раз прямо по ветру было верное направление. А кроме того, как только колокольчики обезумели, из башни вылетела гигантская ракета. Ее можно было увидеть с любой точки Луны: будто золотой зонтик взорвался тысячей серебряных кистей, отчего в нашем мире вскоре проистек непредсказанный дождь падающих звезд.

Если для бедных собак это послужило ука-занием, куда им лететь, то для Дракона явля-лось как бы предостережением. Но он уж слиш-ком «набрал обороты», чтобы обращать внима-ние на подобные вещи.

Итак, сумасшедшая погоня продолжалась. Если вы когда-ни-будь видели птицу, охотящу-юся за бабочкой, и если вы можете представить себе более чем гигантскую птицу, охотящуюся за двумя более чем незначительными бабочка-ми среди белых гор, тогда вы только-только при-близились к представлению о рывках и уверты-ваниях на волосок от гибели и о диких зигзаго-образных бросках этого полета домой. Собаки не преодолели еще и полпути, а Роверандом уже не раз хвостом ощущал позади жаркое дыхание.

Что же в это время делал Человек-на-Луне? Ну, сначала он выпустил эту огромную ра-кету. Затем он произнес: «Чертова тварь!» и еще: «Чертовы щенки! Они вызовут преждев-ременное затмение!» И вслед за тем он спус-тился в подвалы и раскупорил крошечно- черное заклинание, видом напоминавшее желеподобную смесь дегтя с медом и пахнувшее, как Пятое ноября вперемешку с квашеной капустой*.

В этот самый момент Дракон, вытянув гро-мадную когтистую

лапу, начал заход над баш-ней, чтобы сшибить Роверандома пря-мо в ни-куда. Но так и не сшиб: Человек-на-Луне вы-стрелил из нижнего окна заклинанием и со всплеском поразил им Дракона в желудок (ко-торый у всех драконов особенно чувстви-телен). И затем он резко крутанул им, словно ры-чагом.

Дракон, потеряв от боли соображение, не сумел справиться с управлением и с грохотом врезался в гору. И трудно сказать, чему был нанесен большой ущерб — его носу или горе: и то, и другое «вышло из формы».

Итак, обе собаки ввалились внутрь башни через верхнее окно и еще целую неделю никак не могли отдышаться. А Дракон мед-ленно, пет-ляя из стороны в сторону, полетел восвояси и еще много месяцев тер нос.

Следующее затмение сорвалось, потому что Дракон был слиш-ком занят зализыванием сво-его обожаемого пузика и не уделил этому вни-мания. И у него так и не сошли черные пятна — там, где его поразило заклинание. Боюсь, они теперь уже никогда не сойдут. Поэтому с тех пор его зовут Пятнистое Страшилище.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

День спустя Человек-на-Луне посмотрел на Роверандома и сказал:

— Ты был на волосок от гибели. Похоже, светлую сторону ты исследовал совсем неплохо для молодой собаки. Думаю, когда ты, наконец, отдышишься, тебе стоит посетить другую сторону.

— А мне можно? — спросил лунный пес.

— Тебе это не пойдет на пользу, — сказал Человек, — да я и не советую. Ты можешь увидеть там то, от чего почувствуешь

себя еще более бездомным, нежели от огня и дымовых труб, и что может оказаться не лучше драконов. Лунный пес не залился краской только по- тому, что не мог этого сделать. Он ничего не сказал, но пошел и сел в углу и стал с изумле- нием думать о том, сколько же этот старый человек знает обо всем, что происходит, и обовсем, что говорится. Кроме того, он на какое-то время задумался, что означают слова старика. Но ненадолго: он был парень легкомысленный.

Что касается Роверандома, то когда он, на- конец, спустя несколько дней отдышался, Че- ловек-на-Луне пришел и свистнул ему. Затем они шли все вниз и вниз по ступень- кам, в подвалы, прорытые в скале и имевшие крохотные окошки, глядевшие по разные сто- роны пропасти на дикие лунные места, и затем по тайным ступеням, которые, как казалось, вели прямо в основание гор; и так до тех пор, пока, по прошествии долгого времени, не очу- тились в полностью затемненном месте и не остановились, хотя голова Роверандома про- должала кружиться от всех этих миль ввинчи- вания вглубь подобно пробке.

В полной темноте Человек-на-Луне засветил- ся бледным светом, наподобие светляка, и это был их единственный источник света. Его было тем не менее вполне достаточно, чтобы разгля- деть большой люк в полу. Старик потянул люк на себя. И по мере того, как тот приподнимал- ся, казалось, тьма истекает из отверстия, по- добно туману, так что Роверандом больше не мог различить сквозь нее даже слабого мерцания, исходившего от Человека.

— Вниз, ступай вниз, хорошая собака, — произнес голос из черноты.

И вы вряд ли удивитесь, если услышите, что Роверандом не был хорошей собакой и не мог сдвинуться с места. Он прижал

уши и отполз в самый дальний угол: он гораздо больше боялся этой дыры, чем старика.

Однако ничто не помогло. Человек-на-Луне просто поднял его и швырнул прямо в черную дыру. И, падая, падая в никуда, он слышал, как тот кричит ему, уже издали:

— Падай прямо и затем лети по ветру! Жди меня на другом конце-е-е!..

Это должно было бы его утешить, но не уте- шило. Позже Ро- верандом всегда говорил, что даже падение через край мира не могло бы быть хуже. Это был самый отвратительный миг во всех его приключениях. Когда бы он ни подумал о нем, у него всегда возникало чувство пустоты в животе. Вы и теперь можете быть уверены, что он опять переживает все это, когда громко ску- лит и дергается во сне на коврике у камина.

Однако все когда-нибудь подходит к концу. Спустя некоторое время падение начало замед- ляться и наконец почти полностью прекрати- лось. Остальной путь Роверандом проделал при помощи крыльев, и это напоминало полет все вверх и вверх через боль- шую печную трубу. К счастью, ему всю дорогу помогал сильный сквозняк.

Как же он обрадовался, когда, наконец, до- брался до верха!

Там он и лежал, тяжело дыша, на краю дыры, на другом ее кон- це, и послушно, хотя и с беспокойством, ждал Человека-на-Луне.

Тот появился еще не скоро, и у Роверандома достало времени разглядеть, что он находится на дне глубокой темной лощины, окруженной низкими темными холмами. Казалось, на их верши- нах отдыхают черные облака, и между облаками виднелась только одна звезда.

Внезапно песик почувствовал, что очень хо- чет спать. Какая-

то птица пела неподалеку в темных мрачных кустах усыпляющую песню, и это было странно и удивительно после немых крошечных птичек светлой стороны, к которым он привык. Он смежил веки.

— Эй, псина, просыпайся! — услышал он сквозь сон и вскочил как раз вовремя, чтобы увидеть, как Человек вылезает из дыры по се-ребряному канату, который в тот момент ловко закреплял на ближайшем дереве огромный бледно-серый паук (гораздо крупнее Чело-века).

Наконец Человек-на-Луне вылез и сказал пауку:

— Спасибо! Ну, а теперь живо убирайся!

И что бы вы думали: паук убрался, с превеликим удовольствием. На темной стороне Луны живут черные пауки, весьма ядовитые, хотя, возможно, и не такие огромные, как чудовища светлой стороны. Они ненавидят все белое, или белесое, или светлое, но особенно они ненавидят белесых пауков светлой стороны: этих они ненавидят люто — как богатых родственников, редко наносящих визиты своим не столь удачливым собратьям. Серый паук рухнул по своему канату обратно в дыру, и в этот самый миг из дупла вывалился черный паук.

— Эй-эй! — закричал старик черному пауку. — А ну-ка, назад! Это моя личная дверь, не забывай! Сделаешь мне гамак покрепче вон из тех двух тисов, и я, так и быть, прощу тебя.

— Ну и долгое же это дело — карабкаться сначала вниз, а потом вверх, сквозь середину Луны, — сказал он Роверандому. — Думаю, не помешал бы небольшой отдых, пока они не прибыли. Знаешь, они очень милые, но требуют порядочно энергии. Конечно, я мог бы прибегнуть к крыльям, да только я от них быстро устаю. А, кроме того, это означало бы необходимость расширить дыру — ведь она не соответствовала бы моим габаритам с крыльями.

Кстати сказать, я великолепный канатолаз.

— И как тебе эта сторона? — продолжал он. — Темная со светлым небом, да? А та была светлая с темным небом... Полная противоположность. Только здесь гораздо меньше настоящего цвета — ну, того, что я зову настоящим цветом: громкого и многозвучного.

Вон, видишь: чуть-чуть мерцает под деревьями? Огнебабочки, алмазные жуки, рубиномотыльки и все такое... Чересчур крошечные, чересчур — как все яркое на этой стороне. И живут ужасно — в соседстве, хм, с совами размером с орла, черными, как смоль, и с воронами, бесчисленными, как воробьи, размером с грифа, и со всеми этими черными пауками... Однако, что лично мне здесь меньше всего по нраву, так это бархатистые куцехвостки. Ни перед чем не останавливаются, летают где попало в облаках целыми тучами и не убираются даже с моей дороги. Стоит мне испустить сияние, как они тут как тут и забивают мне всю бороду...

И все же у этой стороны есть свои прелести, юноша, и прежде всего та, что ни один человек, и ни один пес с Земли, кроме тебя, не видел ее! Разве что во сне.

Тут Человек внезапно прыгнул в гамак, который, пока он говорил, сплел черный паук, и в одну секунду уснул.

Роверандом сидел в одиночестве и наблюдал за ним, опасливо поглядывая, нет ли поблизости черных пауков. Небольшие мерцающие огоньки, красные, зеленые, золотые и голубые, вспыхивали и передвигались то здесь, то там под темными неподвижными деревьями. Небо было блеклое, со странными звездами над плывущими клочковатыми бархатными облаками. Тысячи соловьев, казалось, заливались еле слышно где-то в долине за ближайшими

холмами.

И затем вдруг Роверандом различил звук детских голосов — или эхо эха голосов, — донесшийся до него вместе с внезапным мягким дуновением ветерка. Он выпрямился и залаял так громко, как еще ни разу не лаял с тех пор, как началась наша история.

— О, Боже! — вскричал Человек-на-Луне, дико подскочив со сна и вывалившись из гамака на траву, почти на хвост Роверандому. — Они что, уже прибыли?

— Кто? — спросил Роверандом.

— Если ты их не слышал, так чего же брешешь? — сказал старик. — Пошли. Нам сюда. Они начали спускаться по длинной тропе под нависшими кустами, отмечаемой слабым свечением камней по сторонам. Тропа уводила все дальше. Кусты сменились пиниями; ночной воздух был напоен ароматом сосны. Затем тропа начала карабкаться вверх, и спустя некоторое время они выбрались на вершину — самую низкую в кольце окруживших их холмов.

Роверандом заглянул вниз, в соседнюю долину, и все соловьи вдруг, словно по сигналу, прекратили петь. В воздухе поплыли детские голоса, ясные и нежные: много-много поющих голосов, сливающихся в единую музыку волшебно-песни. Старик и пес дружно бросились вприпрыжку вниз по склону холма. И, клянусь, Человек-на-Луне прямо-таки перелетал со скалы на скалу!

— Давай-давай! — торопил он. — Я — козел бородатый, седой и лохматый, и тебе меня не поймать!

И Роверандому приходилось лететь изо всех сил, чтобы не отставать.

Но вот внезапно перед ними открылся отвесный обрыв, не очень высокий, но гладкий и блестящий, как антрацит. Заглянув

за край, Ро-верандом увидел внизу сад в сумеречном свете. И по мере того как он смотрел, сумерки сменялись мягким сиянием полуденного солнца. Однако он так и не смог обнаружить, откуда исходил свет, заливавший все это скрытое отовсюду место, но абсолютно не проникавший вовне.

Внизу раскинулось множество длинных-предлинных лужаек с фонтанами, и повсюду были видны дети. Одни танцевали, словно в полудреме, другие блуждали, как лунатики, разговаривая сами с собой. Некоторые пробуждались от глубокого сна, иные уже совсем проснулись и бегали, смеясь, толкались, собирали букеты, строили беседки, ловили бабочек, перекидывались мячами, карабкались на деревья... И все они пели.

— Откуда они здесь? — спросил Роверандом, озадаченный и очаро-

ванный.

— Из дому, конечно, из постели, — сказал Человек.

— Но как они сюда попали?

— А вот этого тебе никогда не узнать. Тебе крупно повезло — как и любому, кому посчастливилось здесь очутиться, каким бы путем он сюда ни попал. Но дети попадают сюда совсем не так, как ты. Некоторые из них бывают здесь часто, другие редко. Я делаю боольшую часть их снов. Ну, какую-то часть они, конечно, приносят с собой — как завтрак в школу... Правда, как это ни неприятно, существуют и другие сны — их делают пауки. Но только не в этой долине, и если я не ловлю их за этим занятием. Ну, а теперь пошли, поучаствуем!

Темный обрыв круто уходил вниз. Он был слишком гладким даже для паука, не всякий бы осмелился попробовать спуститься. Да и потом, ведь в саду были скрыты сторожевые посты... не говоря уже о Человеке-на-Луне, без участия которого все проис-

ходящее, в частности, было бы неполным, поскольку все частности в некотором смысле являлись его собственной частью.

И вот теперь он скользил в самый центр этой своей части. Он просто сел и поехал, как на санках — фью-у-у, — прямо в середину толпы детей, с Роверандомом, крутящимся у него на макушке: тот совершенно забыл, что может летать. Или мог — потому что когда он, наконец, смог твердо встать на ноги, там, внизу, то обнаружил, что у него больше нет крыльев.

— Что эта собачка делает? — спросил Человека один из малышей. Роверандом снова и снова вертелся вокруг себя, как волчок, пытаясь заглянуть за спину.

— Ищет свои крылья, малыш. Он думает, что они стерлись, пока он съезжал вниз, но на самом-то деле они у меня в кармане. Ведь здесь, внизу, крылья запрещены: никто не имеет права покинуть это место без разрешения, правда?

— Да! Дед-Борода-во-Сто-Лет! — закричали одновременно около двенадцати голосов, а один мальчик ухватил старика за бороду и шустро вскарабкался по ней к нему на плечо. Роверандом ожидал, что вот, прямо сейчас, он превратится в мышку, или в ластик, или во что-нибудь такое... Но...

— Черт возьми, а из тебя выйдет неплохой канатолаз, сынок! — произнес Человек. — Я буду давать тебе уроки.

И он подбросил мальчика высоко-высоко в воздух. И — ничуть не бывало: тот не упал на землю, а... встал в воздухе. Человек-на-Луне достал из кармана серебряный канат и кинул ему.

— Ну-ка, слезай быстренько, — сказал он, и мальчишка соскользнул напрямик старику в руки, где его вдобавок еще и хорошенько пощекотали.

— Ты проснешься, если будешь так громко смеяться, — сказал

Человек и, опустив малыша на траву, вернул его в толпу.

Роверандом, предоставленный сам себе, только-только направился к чудесному желтому мячику («Ну совсем, как мой, у меня дома...» — подумал он), как вдруг услышал голос, который, несомненно, был ему хорошо знаком.

— Это же моя собачка! — произнес голос. — Моя маленькая собачка! Я всегда знал, что она настоящая. Кто бы мог подумать, что она здесь! А я-то все искал и искал ее на берегу, и звал ее, и вспоминал каждый день!

Как только Роверандом услышал этот голос, он сел на задние лапы и начал «просить».

— Моя «просящая» собачка! — сказал мальчик (ну конечно же, это был он!), подбежал и погладил пса по спине. — Ты куда пропал?

Однако Роверандом смог только произнести:

— Ты меня понимаешь?

— Конечно, — отвечал мальчик. — Просто в тот раз, когда мама принесла тебя домой, ты совсем не хотел понимать меня, хоть я и старался изо всех сил разговаривать с тобой лаем. И я сомневаюсь, чтобы ты сам пробовал мне что-нибудь говорить: мне казалось, ты все время думаешь о чем-то другом.

Роверандом сказал, что он очень извиняется, и рассказал мальчику, как выпал у него из кармана, и про Псаматоса и Мью, и вообще обо всех событиях, которые произошли после того, как он потерялся.

Вот каким образом мальчик и его братья узнали об этом чудном, живущем в песке старикане, а также о множестве других полезных вещей, которые, в противном случае, остались бы им неизвестны. Имя «Роверандом» показалось мальчику замеча-

тельными.

— Я тоже буду звать тебя так, — сказал он. — И не забывай, что ты все-таки принадлежишь мне!

Потом они бегали, играли в мячик, и еще в прятки, и в долгую прогулку, и в охоту на кроликов (разумеется, с единственным результатом — удовольствием, поскольку кролики существовали только в воображении), и в «чей плеск в пруду громче», и во множество других игр, одну за другой, бесконечные века; и они нравились друг другу все больше и больше...

Мальчик все кувыркался и кувыркался на росистой лужайке, хотя детям, казалось, давным-давно уже пора было спать. (Похоже, в этом месте никто не обращал внимания ни на сырую траву, ни на время идти в постель.) А песик снова и снова прыгал через него и при этом стоял на голове, как не сделала бы ни одна собака в мире со времен дохлой собаки Матушки Хаббард*. А мальчик хохотал и... вдруг исчез, совершенно неожиданно, бросив Роверандома на лужайке одного!

— Он проснулся, вот и все, — сказал Человек-на-Луне, внезапно появившись. — Отправился домой, и как раз вовремя. О! У него до завтрака всего четверть часа. Сегодня утром он пропустит прогулку на пляже. Ну, что ж! Бойсь, нам тоже пора...

Итак, крайне неохотно Роверандом отправился вместе со стариком на светлую сторону Луны.

Всю дорогу они шли пешком, что заняло у них очень много времени. Роверандому это путешествие совсем не показалось приятным, а ведь они видели всякие необычности, и с ними происходили разнообразные приключения — разумеется, совершенно безопасные, поскольку Человек-на-Луне находился рядом. Это было весьма кстати, потому что в трясинах жило множество

премерзких, наводящих ужас существ, которые в ином случае мгновенно бы сцапали нашего песика.

Темная сторона была столь же сырой, сколь сухой была светлая сторона, и заполняли ее самые необычайные растения и твари, о которых я обязательно рассказал бы вам, если бы Роверандом обратил на них хоть сколько-нибудь внимания. Но он не обратил: он все время думал о саде и мальчике.

Наконец они добрались до сумеречного края и в последний раз оглянулись на пепельные долины, в которых жило множество драконов. А прямо перед ними, за проходом среди гор, уже расстилалась Великая Белая Равнина с сияющими скалами. Они увидели наш мир, восходящий над плечом лунных гор, — огромную, круглую зелено-золотую луну, — и Роверандом подумал:

«Там живет мой мальчик!» Эта луна выглядела устрашающим и громадным выходом куда-то.

— Сны сбываются? — спросил он.

— Некоторые из моих — да, — ответил старик. — Некоторые, но не все. И редко какие прямо сразу или в точности в том виде, в каком привиделись. Но почему ты спросил про сны?

— Я только поинтересовался, — произнес Роверандом.

— Из-за мальчика, — сказал Человек. — Я так и думал.

И затем он вытащил из кармана телескоп, который растянулся на неслыханную длину.

— Чуть-чуть взглянуть, я думаю, тебе не повредит, — промолвил он.

Роверандом посмотрел в телескоп, когда ему удалось, наконец, зажмурить один глаз и оставить открытым второй.

Он ясно увидел наш мир. Дальний конец лунной дорожки падал прямым на море. Ему показалось, что он разглядел — еле

различи- мо — длинные линии, прочерчиваемые стреми- тельно скользящими по дорожке вниз крошечными людьми, но он не был полностью уверен. Свет луны быстро меркнул. Разгорался день.

Внезапно он увидел бухту песчаного колду- на. (Но ни следа Псаматоса! Тот не допускал, чтобы за ним подглядывали.) Спустя некоторое время в круглое поле зрения вступили два ма- леньких мальчика, идущих по песку, взявшись за руки. «Ищут раковины — или меня?» — по- думал пес.

Картина быстро сдвинулась, и перед ним предстал белый дом на обрыве, с садом, сбегая- ющим к морю. И в воротах — вот уж неприят- ный сюрприз! — он увидел старого волшебни- ка с его старой зеленой шляпой на затылке и расстегнутым жилетом, си- дящего на камне и курящего трубку, — как если бы ему ну совер- шенно нечего было делать, кроме как вечно си- деть и наблюдать.

— Что делает там, в воротах, старый Арта- как-вы-там-его- зовете? — спросил Роверан- дом. — Я-то думал, он давно обо мне забыл. Его каникулы еще не закончились?

— Нет, он поджидает тебя, моя псина. Он не забыл. Если ты вернешься туда прямо сей- час, настоящий или игрушечный, он в ту же секунду наложит на тебя какое-нибудь новое заклятье. Это не из-за того, что он так ценит свои штаны — их вскоре после того случая по- чинили, но он чрезвычайно раздосадован тем, что Саматос прервал его колдовство. Правда, Саматос еще не оставил попыток восстановить с ним отношения.

И сразу вслед за тем Роверандом увидел, как ветер срывает с головы Артаксеркса шляпу и за ней срывается волшебник. И вот — полюбуй- тесь! — на его штанах красовалась великолеп- ная заплата, ярко-оранжевая с черными разво- дами.

— А я-то думал, волшебники способны луч- ше чинить свои

штаны... — сказал Роверандом.

— Да, но он-то считает, что сделал это пре- красно! — сказал старик. — Он отколдовал ку- сок чьих-то занавесок. Люди получили страхов- ку в случае пожара, он же получил красочное пятно, и обе стороны остались довольны. Тем не менее ты прав: я полагаю, это неудачный ход. Прискорбно видеть, после того как знаешь человека столько веков, что его магия слабеет... Однако для тебя это, возможно, и удача. Человек-на-Луне щелчком свернул теле- скоп, и они продолжили путь.

— Возьми назад свои крылья, — сказал он, когда они достигли башни. — Ну, а теперь лети и забавляйся. Не приставай к лунным зайчи- кам, не убивай моих белых кроликов и возвра- щайся до- мой, когда проголодаешься или когда у тебя что-нибудь заболит.

Роверандом сразу же полетел искать лунно- го пса, чтобы рас- сказать ему про другую сторо- ну Луны. Однако тот слегка рев- новал, что при- шельцу разрешили увидеть то, что не разреша- ли ему, и сделал вид, что ему совершенно не интересно.

— Все это звучит премерзко, — прорычал он. — Уверен, мне не хочется это увидеть. По- лагаю, теперь тебе будет скучно на светлой стороне, где у тебя есть только я и нет твоих двуногих друзей. Жаль, что персидский вол- шебник так уперся и ты не можешь вернуться домой.

Роверандом был слегка уязвлен. Он снова и снова говорил лун- ному псу, что очень рад свое- му возвращению, и что ему никогда не будет скучно на светлой стороне.

Вскоре они опять стали добрыми друзьями и продолжили за- ниматься вместе массой самых разнообразных вещей.

И все-таки сказанное лунным псом в поры- ве дурного настро- ения оказалось правдой. В том не было вины Роверандома, и он

делал все, что мог, чтобы не показать этого, но почему-то ни одно из приключений или исследований не радовало его так, как прежде: пес постоянно думал о том, как они с мальчиком веселились в саду.

Они навестили долину белых лунных гномов (сокращенно «луномов»), едущих верхом на кроликах, делающих блины из снежных хлопьев и выращивающих в своих ухоженных садах маленькие, не больше лютика, золотые яблоньки. Они насыпали битых стекол и гвоздей около логовищ нескольких малых драконов, пока те спали, и до полуночи лежали неподалеку, чтобы услышать, как те режут от ярости — ведь, как я уже говорил вам однажды, у драконов весьма нежные желудки, и ровно в двенадцать часов ночи, каждую ночь в течение всей своей жизни — не говоря уже об ином времени суток, — они выходят из дому немного промочить горло. Иногда псы даже осмеливались дразнить пауков, кусая паутину, освобождая запутавшихся в ней лунных зайчиков и улетаая как раз вовремя, покуда пауки кидали им вслед с вершины холмов свои лассо. Но все время Роверандом ждал почтальона Мью и «Мировых новостей» (ведь даже маленькая собака знает, что хотя в основном они касаются убийств и футбольных матчей, но, бывает, в самом дальнем уголке в них можно найти и кое-что получше).

Он пропустил следующий прилет Мью, так как был на прогулке. Однако, когда он вернулся, старик все еще был занят чтением писем и новостей. И похоже было, его здорово что-то развеселило: он сидел на краю крыши, свесив ноги, помахивал чудовищного размера белой глиняной трубкой, выпуская целые облака дыма наподобие паровоза, и улыбался во все свое круглое старое лицо.

Роверандом почувствовал, что не может больше этого вынести.

— У меня болит внутри, — сказал он. — Я хочу вернуться к мальчику, чтобы его сон мог сбыться.

Старик отложил письмо (а оно было об Артаксерксе, и пре-забавное!) и вынул изо рта трубку.

— Действительно? Может быть, останешь-ся? Это так неожиданно! Рад был встретить тебя! Непременно как-нибудь свались сюда снова! Сча-астлив буду видеть тебя в любое время, — выпалил он на одном дыхании.

— Замечательно, — продолжил он уже бо-лее отчетливо. — Артаксеркс пристроен.

— ...Каким образом?! — спросил Роверандом, задрожав от возбуждения.

— Он женился на русалке и живет теперь на дне Глубокого Синего Моря.

— Надеюсь, она лучше заштопает его брю-ки! Зеленая заплата из морских водорослей будет хорошо гармонировать с его зеленой шляпой.

— Мой милый пес! Он женился в целом но-вом костюме из зеленых водорослей с розовы-ми коралловыми пуговицами и эпо-летами из актиний. И они сожгли его старую шляпу на берегу! Все это устроил Саматос. О! Саматос глу-бок, как глубоко Глубокое Синее Море, и я ожи-даю, что таким образом он полагает выгодно уладить множество дел. Множество — а не только твое, мой пес.

Интересно, чем все обернется! По-моему, Артаксеркс впадает в детство в двадцатый или двадцать первый раз. Суется из-за пустяков. Трудноизлечим, выражаясь точнее. Прежде он был неплохим магом, но у него портится ха-рактер: в последнее время он стал совершенно непереносим. Когда он заявился к старому Саматосу и, откопав его деревянной лопатой среди бела дня, вытянул

из норы наружу за уши, саматист счел, что это уж слишком, — и меня это нисколько не удивляет. «Столько бес-покойства, как раз в мое самое лучшее время для сна, и все из-за какой-то там несчастной шавки», — так он мне пишет, и можешь не краснеть.

Итак, когда оба они слегка поостыли, он при-гласил Артаксеркса на русалочью вечеринку, и вот так все и произошло. Они вытащили Ар-таксеркса поплавать под луной — и он теперь никогда уже не вернется ни в Персию, ни даже в Першор. Он влюбился в пожилую, однако пре-милую дочь очень богатого морского царя, и они поженились на следующую же ночь.

Возможно, это и неплохо. В Океане некото-рое время не было постоянного официального Мага. Протей, Посейдон, Тритон, Нептун и про-чие им подобные — все они давным-давно пре-вратились в пескарей или в мидий; и в любом случае они никогда не интересовались ничем и не заботились ни о чем за пределами Средизем-номорья: слишком уж увлекались сардинами. Старина Нйорд тоже давным-давно отошел от дел. И потом, разумеется, он ведь мог уделять делу только половину внимания после своей глупейшей женитьбы на великанше. Ты, веро-ятно, помнишь, что она влюбилась в него, по-тому что у него всегда были чистые ноги (это так удобно дома!), и разлюбила его, когда уже было слишком поздно: оказалось, что ноги у него всегда мокрые. Я слышал, нынче он совсем развалился. Совершенно одряхлел, бедняга. Ужасно кашляет из-за мазута в Северных мо-рях. Грется сейчас на солнышке где-нибудь на побережье Исландии.

Был, конечно, еще Старик-из-моря*... Ну, этот хоть и мой дво-юродный брат, но гордиться здесь абсолютно нечем. Та еще обуза: не желал ходить, вечно требовал, чтобы его кто-нибудь носил, — о чем, смею надеяться, ты слышал. Оттого и помер: сел год или два

назад на плаву-чую мину (если ты знаешь, что это такое), прямо на одну из кнопок! Даже моя магия в данном случае ничего не смогла поделывать. Это было хуже, чем с Шалтаем-Болтаем.

— А как же насчет Британии? — спросил Роверандом, поскольку он все-таки был английской собакой; хотя в действительности ему было скучновато слушать все это, а хотелось услышать еще что-нибудь о своем волшебнике. — Я думал, Британия правит волнами...

— В действительности она никогда даже ног не замочила. Она предпочитает фамильярно похлопывать на бережку львов по заг-ривку и восседать на пенсе, держа в руке вилку для рыбных блюд. И уж конечно, из моря можно извлечь нечто гораздо большее, нежели волны.

Ну, теперь-то они заполучили Артаксеркса, и, я надеюсь, от него будет хоть какая-то польза. Правда, я полагаю, что в первые несколько лет он попытается выращивать сливы на полипах, если ему позволят, конечно. И это будет гораздо легче, чем управлять морским народом.

Ну-ну-ну! О чем бишь я?.. Разумеется, ты можешь теперь вернуться, если хочешь. Вообще-то, отбрасывая церемонии, тебе просто необходимо вернуться, и как можно скорее. Твой первый визит — к старику Саматосу. И не забудь моему дурному примеру — не забывай говорить «Пс» при встрече!

Мью возвратился на следующий же день и принес новую почту — бесчисленное количество писем для Человека-на-Луне и связки газет — «Иллюстрированную еженедельную прополку водорослей», «Океанские взгляды», «Русало чью почту», «Моллюск» и «Утренний всплеск». Во всех газетах были помещены (на правах исключительной публикации) совершенно одинаковые

фотографии свадьбы Артаксеркса: на берегу, при полной луне, в присутствии мистера Псаматоса Псаматидеса, известного финансиста (просто титул, в знак уважения), ухмылявшегося на заднем плане. Надо сказать, качество фотографий было лучше, чем в наших газетах. По крайней мере, они были цветные, и на них было видно, что невеста-русалка действительно очень красива (ее хвост был в пене).

Настало время прощаться. Человек-на-Луне лучился улыбкой, глядя на Роверандома. Лунный пес старался выглядеть безразличным. У самого Роверандома был слегка поджат хвост. Однако он лишь сказал:

— Счастливо, щен! Береги себя. Не приставай к лунным зайчикам, не убивай белых кроликов и не передай за ужином!

— Сам ты щен! — отвечал лунный Ровер. —

И прекращай есть брюки волшебников!

И все. Тем не менее я верю, что с тех пор он непрерывно приставал к Человеку-на-Луне, упрашивая послать его на каникулы к Роверандому, и что тот несколько раз разрешал ему такое путешествие.

И затем Роверандом улетел с Мью, а Человек ушел в свои подвалы. А лунный пес все сидел на крыше и смотрел, пока они не скрылись из виду.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дул ледяной ветер, срываясь с Полярной Звезды, когда они пересекли край мира, и холодная пыль водопадов обдавала их.

Путь назад давался с трудом, потому что на сей раз в магии Псаматоса не было спешки. Поэтому они рады были отдохнуть на Острове собак. Однако из-за своей все еще заколдованной величины Роверандом не получил от этого посещения особого удовольствия. Все собаки были чересчур большими и шумными и чересчур презрительно отнеслись к нему, а кости на костяных

деревьях оказались слишком крупными и крепкими для его зубов.

Был рассвет послеполезавтрашнего дня, когда они, наконец, завидели вдали черные скалы дома Мью. Когда же они приземлились в бухте Псаматоса, солнце мягко грело им спины, а вершушки бугорков песка у воды уже по-светлели и высохли.

Мью коротко крикнул и стукнул клювом по лежавшей на земле деревяшке. Деревяшка немедленно встала вертикально и обернулась левым ухом Псаматоса, к которому присоединилось и другое ухо, а затем, очень быстро, — и вся голова колдуна вместе с шеей.

— Эй, вы, двое, что вам угодно в это время дня? — грозно прорычал Псаматос. — Это мое лучшее время для сна!

— Мы вернулись! — произнесла чайка.

— И ты, я вижу, позволил, чтобы тебя всю дорогу тащили на спине? — сказал Псаматос, поворачиваясь к песику. — После драконьей охоты я мог бы предположить, что такой небольшой перелет для тебя — суцая ерунда.

— Извините, пожалуйста, — промолвил Роверандом, — но я оставил мои крылья там: в действительности они не принадлежат мне. И я бы предпочел снова стать обыкновенной собакой.

— О! Прекрасно. Тем не менее, надеюсь, тебе понравилось быть Роверандомом. Тебе непременно должно было это понравиться*. Впрочем, теперь ты снова можешь быть просто Ровером, если ты этого действительно хочешь. И, конечно, ты можешь отправляться домой и играть там своим желтым мячиком, и спать на креслах, когда представится случай, и сидеть на колесиках, и вообще быть уважаемой маленькой пустолайкой.

— А как же мальчик? — спросил Ровер.

— Но я думал, ты сбежал от него, дурачок, аж на Луну, — про-

молвил Псаматос, делая вид, что удивлен и раздосадован, однако в одном из его знающих глаз мелькнул веселый огонек. — Я сказал: домой, и я имел в виду твой дом. Не заикайся и не возражай!

Бедный Ровер заикался, потому что пытался выговорить очень вежливое «мистер Псаматос». На это ему понадобилось некоторое время.

— П-п-пожалуйста, мистер П-п-псаматос, — наконец произнес он как можно более проникновенно, — п-п-пожалуйста, простите, но я снова с ним встретился, и я больше не стану убежать, и потом, ведь я действительно принадлежу ему, разве не так? П-поэтому я просто обязан вернуться к нему!

— Чушь и ерунда! Разумеется, ты не обязан и не вернешься! Ты принадлежишь той старой даме, что первой купила тебя, и вернуться должен к ней. Если бы ты знал Закон, глупая ты собачонка, тебе было бы известно, что краденое или заколдованное покупать нельзя. Мать мальчика потратила на тебя шесть пенсов, вот и все. Да и вообще, что значит какая-то встреча во сне? — заметил Псаматос, лукаво подмигнув Роверу.

— Я думал, некоторые из снов Человека-на-Луне оборачиваются правдой, — сказал маленький Ровер очень печально.

— О! Неужели? Ну, это дело Человека-на-Луне. Мое же дело — вернуть тебе прежнюю величину и отправить назад по месту принадлежности. Артаксеркс отбыл в иные сферы своего применения, так что его можно в расчет не брать. Подойди-ка сюда!

Он немного придержал Ровера, плавно провел своей жирной ручкой около его головы и — ну-ка, быстро!

Никаких изменений не произошло...

Он повторил все сначала — и снова никаких изменений...

Тут Псаматос выскочил из песка, и Ровер впервые увидел,

что у него ноги, как у кролика. И он начал топтать, и кататься, и поддавать ногой песок в воздух, и крушить морские раковины, и фыркать, как рассерженный морж...

И все-таки ничего не произошло!

— Что натворил волшебник водорослевый, чтоб ему воддырями с бородавками покрыться! — выругался он.

— Что натворил персидский сниматель слив и сливок, чтоб ему в банку с повидлом влипнуть! — заорал он и продолжал орать, пока не устал. Затем он сел.

— Ну и ну! — произнес он в конце концов, когда немного поостыл. — Век живи — век учись. Но Артаксеркс!.. Это нечто особенное. Кто бы мог подумать, что он будет помнить о тебе среди всех своих свадебных восторгов и потратит свое самое сильное заклятье — на кого?! — на собаку, перед самым своим медовым месяцем! Как будто его первого заклинания было недостаточно, чтобы шкуру спустить с несчастного глупого щенка!.. Ну, ладно. Во всяком случае, я избавлен от необходимости выдумывать, что делать, — продолжил Псаматос. — Возможно только одно. Тебе придется отыскать его и попросить у него прощенья.

Но, даю слово, я ему это попомню! Я буду помнить до тех пор, пока море не станет вдвое солонее и вполовину суше.

А пока вы, оба! Отправляйтесь-ка погулять и приходите через полчаса, когда у меня настроение улучшится.

Мью и Ровер двинулись вдоль берега по направлению к обрыву. Мью летел медленно, а Ровер печально трусил вслед за ним.

Они подошли к дому, в котором жили отец с матерью и три мальчика. Ровер даже в ворота зашел и сел на клумбе под окном своего мальчика. Было еще очень рано, но он все равно залаял и лаял, лаял безнадежно... Дети либо крепко спали, либо их не было

в доме, потому что к окну никто не подошел. Во всяком случае, так думал Ровер. Он забыл, что в этом мире все совсем не так, как в саду с обратной стороны Луны, и что заклятье Артаксеркса все еще лежит на его вличине и, следовательно, на громкости его лая.

Спустя некоторое время Мью медленно и скорбно понес его обратно к бухте.

Здесь его ждал совершенно неожиданный сюрприз: Псаматос разговаривал с китом! Это был Юин — старейший из всех Верных Китов. Со своей гигантской, возвышающейся над глубокой заводью головой, Юин показался крошечному Роверу целой горой.

— Извиняюсь, но я не мог раздобыть немедленно что-нибудь поменьше, — промолвил Псаматос. — Но он очень удобный.

— Входи! — сказал кит.

— Пока! Входи! — сказала чайка.

— Входи! — сказал Псаматос. — И быстро! Только не вздумай кусаться или царапаться изнутри: Юин может закашляться, и у тебя будут проблемы.

Это было почти так же жутко, как тогда, когда ему велели прыгать в дыру в подвале Человека-на-Луне. Ровер попятился. И тогда Мью и Псаматос впихнули его вовнутрь.

Да-да, они запихнули его безо всяких церемоний, и китовьи челюсти с треском захлопнулись.

Внутри царила поистине непроницаемая тьма и пахло рыбой. Ровер сидел и дрожал. И пока он сидел, не смея даже почесать ухо, он слышал — или думал, что слышит, — как плюхает по воде китовый хвост. И он чувствовал — или думал, что чувствует, — как кит все глубже и глубже погружается, направляясь ко дну Глубокого Синего Моря.

Тем не менее, когда кит остановился и вновь широко разинул

пасть (очень довольный, что может наконец-то сделать это, — потому что киты предпочитают плавать с широко раскрытой, наподобие трала, пастью, в которую сама в изрядном количестве заплывает пища; однако Юин был очень внимательным млекопитающим), и Ровер выскользнул наружу, там было глубоко, неизмеримо глубоко, однако совсем не синее. Откуда-то лился зеленоватый свет. Ровер обнаружил, что стоит на тропе из белого песка, извивающейся среди смутно видимого фантастического леса.

— Ступай прямо! Тебе не придется идти долго, — произнес Юин. Ровер пошел прямо, насколько позволяла тропа, и вскоре увидел перед собой ворота величественного дворца, сделанного, казалось, из розового и белого камня и сиявшего бледным, пронизывающим стены светом. В окнах ослепительно сверкали зеленые и голубые огни. Стены со всех сторон окружали громадные морские деревья, даже еще более высокие, нежели дворцовые купола, которые, мерцая в темной воде, вздымались на необозримую высоту.

Огромные каучуковые стволы деревьев изгибались и колыхались, словно стебли травы, и в тени их бесконечных ветвей гнездились рыбки, наподобие птиц, — золотые, серебряные, красные, синие, фосфоресцентные... Правда, рыбы не пели. Но зато пели русалки во дворце. Как они пели!

И все морские волшебные существа пели хором, и музыка плыла из окон, а сотни обитателей моря играли на трубах, дудках и морских раковинах. Из темноты под деревьями ухмылялись, глядя на Ровера, морские гоблины, и он изо всех сил старался побыстрее проскользнуть мимо них: глубоко под водой лапы его стали неповоротливыми и грузными.

Почему он не утонул?

Я не знаю. Хотя предполагаю, что об этом позаботился Псаматос Псаматидес (а он знает о море гораздо — о да, гораздо больше, нежели большинство людей может даже представить себе; и это несмотря на то, что он никогда не погружал в него даже мизинца), пока Ровер и Мью гуляли, а он сидел, остывал и обдумывал новый план. Как бы там ни было, Ровер не утонул. Но еще прежде чем добраться до входа, он уже почти желал очутиться в любом другом месте — пусть даже в сырых внутренностях кита. Потому что из пурпурных кустов высывались такие причудливые формы и личины, что он чувствовал себя перед ними совершенно беззащитным.

Но вот, наконец, он очутился около огромной двери, а вернее, золотой, обрамленной кораллами арки с вделанной в нее дверью из цельной гигантской жемчужины, крепившейся на акульих зубах. Дверным молотком служило громадное кольцо, инкрустированное белыми полипами, выпустившими наружу маленькие красные щупальца. Впрочем, Ровер все равно не мог достать до него, да и никоим образом не смог бы его сдвинуть. Поэтому он залаял.

К его удивлению, лай прозвучал довольно громко. Как только он пролаял трижды, музыка во дворце стихла, и дверь открылась.

И кто бы, вы думали, открыл ее? Артаксеркс собственной персоной, одетый в нечто бархатное, сливового цвета, и в зеленые шелковые брюки. И у него все еще была во рту большая трубка. Вот только выпускала она не табачный дым, а красивые радужные пузыри. Однако шляпы на нем не было.

— Ага, — сказал он. — Итак, ты вернулся. Я так и думал, что тебя скоро утомит этот старый Псаматос.

Ох, как же он фыркнул это преувеличенное «П»!

— Он же ни на что не способен! Ну, и зачем же ты пожаловал сюда? У нас тут вечеринка, а ты прервал музыку.

— Пожалуйста, мистер Артарксекс... То есть, я имею в виду, Артерксакс... — начал было Ровер, очень волнуясь и стараясь быть чрезвычайно вежливым.

— О, неважно, как это произносится! Я не обращаю на это никакого внимания! — произнес волшебник довольно сварливо.

— Приступай прямо к объяснению,

и покороче: у меня нет времени на пустую болтовню.

Со времени же- нитьбы на богатой дочери морского царя и назначения на пост Пан-Атлантического и Тихоокеанского Мага (ПАМа для краткости, когда его не было поблизости), он весьма преисполнился чувством собственной значимости (по отношению к посторонним).

— Если ты желаешь видеть меня по какому-нибудь неотложному делу, тебе лучше войти и подождать в зале. Возможно, я выберу момент после окончания танцев.

Он закрыл дверь позади Ровера и удалился. Бедный пес остался один посреди огромного затемненного пространства под тускло освещенным куполом. Всюду виднелись сплошь занавешенные водорослями остроконечные арки. Все они были темными, за исключением одной, сквозь которую лился яркий свет и доносилась громкая музыка. Музыка все звучала и звучала, ни разу не повторяясь и ни на минуту не прерываясь для отдыха, и казалось, будет звучать вечно.

Роверу вскоре ужасно надоело ждать. Он подошел к сияющему дверному проему и заглянул за занавеску. Взгляду его открылась просторная бальная зала, имевшая семь куполов и десять тысяч коралловых колонн, полных теплой искрящейся воды и светящихся

ся магическим образом. Золотоволосые русалки и темноволосые сирены пели и танцевали там свои танцы, сходные с набеганием волн друг на друга, — не танцы на хвосте, но дивные плавательные танцы: вверх-вниз, туда-сюда, в чистой, прозрачной воде.

Никто не заметил, как нос песика просунулся сквозь водоросли в дверь, и, поглазев немного, Ровер вполз внутрь целиком. Пол был сделан из серебристого песка и розовых раковин, широко раскрывших свои створки надобие крыльев бабочек и взмахивавших ими в легких завихрениях воды, так что пес был вынужден осторожно пробираться среди них, держась поближе к стене. Внезапно над ним раздался голос:

— Какая прелестная собачка! Это земная собачка — не морская, я уверена. Как она сюда попала, такая крошка?..

Ровер взглянул вверх и увидел красивую морскую леди с большим черным гребнем в золотых волосах, сидящую на уступе невысоко над ним. Ее достойный сожаления хвост свисал, покачиваясь, и она чинила один из зеленых носков Артаксеркса.

Разумеется, это была новоиспеченная миссис Артаксеркс

(более известная как «принцесса ПАМ»: она была личность довольно популярная, чего никак нельзя было сказать о ее супруге). Артаксеркс в этот момент сидел подле нее и — было у него время на досужую болтовню или нет — слушал последнюю из своих многочисленных жен.

Вернее, слушал, пока не объявился Ровер. Миссис Артаксеркс бросила свою болтовню, а также починку носка, как только увидела пессика, и, плавно соскользнув вниз, взяла его на руки и нежно понесла к себе в кресло. В действительности это был подоконник первого этажа: для морских обитателей почти нет разницы между дверьми и окнами — по той же причине, по которой у них нет лестниц. А также зонтиков.

Морская леди вновь удобно расположила свое прекрасное (и довольно обширное) тело на сиденье и водрузила Ровера к себе на колени. И немедленно из-под подоконника-кресла раздалось ужасающее рычание.

— Лежать, Ровер! Лежать! Хорошая собака! — произнесла миссис Артаксеркс.

Однако обращалась она вовсе не к нашему Роверу, а к белой морской собаке, вылезшей неизвестно откуда, несмотря на то, что ей было сказано, и теперь рычащей, ворчавшей и колотившей по воде своими маленькими перепончатыми лапками, бьющей по ней большим толстым хвостом и пускающей пузыри своим острым носом.

— Фу, какая гадость! — произнесла эта новая собака. — Поглядите-ка на его жалкий хвост! Посмотрите на его лапы! И на его дурацкую шерсть!

— Да ты на себя посмотри! — не задержался с ответом Ровер, сидя на коленях морской леди. — И тебе вряд ли захочется де-

лать это снова! Ты, гибрид утки с головастиком, претендующий на то, чтобы зваться собакой! И кто только вздумал назвать тебя Ровером? Из этого вы можете понять, что они понравились друг другу с первого же взгляда.

Действительно, вскоре они уже были большими друзьями. Ну, возможно, не такими, как с лунным псом, но это разве только из-за того, что пребывание Ровера под водой было более кратковременным. А кроме того, глубины — не такое уж приятное место для маленьких собачек, не то что Луна. В них полно темных и ужасных мест, куда никогда не проникал и не проникнет свет, потому что они так никогда и не будут открыты, покуда на свете есть свет. Ужасающие существа живут там — слишком старые, чтобы это можно было себе представить, слишком сильные, чтобы на них подействовали хоть какие-то заклинания, слишком огромные, чтобы их измерить. Артаксеркс успел уже это заметить. Пост ПАМа — не самое увлекательное занятие в мире...

— Ну, а теперь, плывите и развлекайтесь! — произнесла его жена, когда собачья перепалка закончилась, и животные стали просто обнюхивать друг друга. — Не приставайте к огненным рыбам, не жуйте актинии, не попадайтесь двустворчатым моллюскам — и возвращайтесь к ужину!

— Простите, пожалуйста, — робко сказал Ровер, — но я не умею плавать.

— О, господи! Какая досада! — промолвила она. — А ну-ка, ПАМ (она была единственная, кому не возбранялось называть его так в глаза)! Вот наконец-то нечто, что ты действительно мог бы сделать.

— Конечно-конечно, моя дорогая! — произнес волшебник, горя желанием услужить ей и довольный, что может продемон-

стрировать кое-какие из своих магических способностей и тем самым доказать, что он не совершенно бесполозен в качестве официального лица (надо сказать, на морском языке у чиновников существует прозвище — что-то вроде нашего «банный лист»*).

Он вытащил из кармана жилета небольшую волшебную палочку — в действительности это была его авторучка, но под водой ею нельзя было писать: морской народ пользуется такими чудными вязкими чернилами, что их никак не применишь в обычной земной ручке, — и взмахнул ею над Ровером.

Что бы ни говорили некоторые, Артаксеркс, несомненно, был очень хорошим магом. А иначе с Ровером никогда бы не случилось все то, что случилось. Другое дело, что магическое искусство, которым он владел, касалось вещей малозначительных и, кроме того, нуждалось в постоянной практике.

Как бы там ни было, после первого же его взмаха хвост Ровера начал приобретать рыбоподобие, его лапы стали перепончатыми, а шкура все больше и больше походила на непромокаемый дождевик. Надо сказать, наш пес быстро привык к своему новому облику и обнаружил, что научиться плавать гораздо легче, чем летать, что это почти так же приятно и совсем не столь утомительно, — конечно, если вы не будете упорно пытаться утонуть.

После пробного заплыва вокруг бальной залы он первым делом укусил морскую собаку за хвост. Разумеется, в шутку. Однако эта шутка моментально привела к драке, поскольку морской пес обладал несколько обидчивым характером. Спасаясь, Ровер бежал со всех ног. О да, ему понадобилось все его проворство!

Вот это была погоня! Из окна в окно, сквозь темные коридоры и вокруг колонн, наружу, вверх, вокруг куполов... Пока, наконец, сам морской пес не выдохся, и его дурной характер тоже, и тогда

псы уселись рядышком на вершुшке самого высокого купола близ флагштока. Сотканное из алых и зеленых водорослей и усыпанное жемчугом знамя морского царя плыло над ними.

— Как тебя зовут? — спросил морской пес после паузы, во время которой он никак не мог перевести дыхание. — Ровер? — переспросил он. — Так это же мое имя! Я первый получил его, поэтому тебя не могут так звать!

— Откуда ты знаешь, что ты первый?

— Ну как же! Я же вижу, что ты еще щенок, тогда как я был заколдован сотни и сотни лет назад. Полагаю, я — самый первый из всех собако-Роверов.

Мой первый хозяин был истинным ровером — бродягой, морским скитальцем, чей корабль бороздил северные воды. Это был большущий корабль — очень длинный, с алыми парусами и резным носом в виде дракона. И мой хозяин любил его и звал Алый Червь.

А я любил хозяина, хотя и был всего лишь щенком. Хозяин едва замечал меня, поскольку я недостаточно вырос, чтобы ходить на охоту, а в плаванье он собак не брал. Но однажды я отправился в море, не спросясь.

Он прощался с женой. Дул свежий ветер, и люди скатывали Алого Червя в воду. Вокруг шеи дракона кипела белая пена, и я внезапно почувствовал, что могу больше никогда не увидеть хозяина, если не отправлюсь вместе с ним. Кое-как я вскарабкался на борт и спрятался за бочкой с водой. И прежде чем меня нашли, мы были уже далеко в море.

Тогда-то меня и прозвали Ровером — когда вытаскивали на свет за хвост. «Вот так морской бродяга!» — сказал один. «И странная же у него судьба: никогда не вернуться домой», — сказал другой,

с чудными глазами. И действительно, но, я так и не вернулся домой. И я так и не вырос нисколько, хотя теперь я гораздо старше — и мудрее, разумеется.

В тот раз у нас случился морской бой. Я взбежал на нос, а вокруг падали стрелы, и мечи звенели о щиты. Люди Черного Лебедя взяли нас на abordаж и швырнули за борт всех людей моего хозяина. Он был последним. Он стоял рядом с драконьей головой, затем бросился в море во всей броне, и я бросился вслед за ним. Он пошел ко дну быстрее, чем я, и его подхватили под водой русалки.

Я попросил их поскорее вынести его на землю, ибо многие будут плакать, не вернись он домой. Они улыбнулись и взвились с ним вверх, и унесли его прочь. И теперь некоторые говорят, что они вынесли его на берег, а другие качают головами, когда я их спрашиваю об этом. На ру-салок нельзя положиться: они хранят свои секреты так, что превосходят в этом даже устриц.

Я часто думаю, что на самом-то деле, вероятно, они похоронили его в белом песке: далеко-далеко отсюда все еще можно видеть кусок Алого Червя, потопленного людьми Черного Лебедя. Во всяком случае, он был там, когда я в последний раз проплыл мимо. Вокруг рос лес водорослей и покрывал его целиком, за исключением головы дракона — на ней каким-то чудом не обосновались даже полипы. И вот под ней-то я и увидел насыпь из белого песка.

Я покинул те места очень давно. Мало-помалу я превратился в морского пса — в то время старейшие обитательницы моря неплохо колдовали, и одна из них была добра ко мне. Это она преподнесла меня в качестве подарка морскому царю, деду правящего ныне, и с тех пор я всегда нахожусь во дворце или поблизости

от него.

Вот тебе вся моя история. Случилось это сотни лет назад. С тех пор я повидал много верхних и нижних морей, но никогда больше не был дома.

Ну, а теперь расскажи о себе! Я полагаю, ты никоим образом не с Северного моря — прежде мы звали его Английским морем, — и не знаешь никаких древних мест на Оркнейских островах или поблизости от них?

Наш Ровер вынужден был сознаться, что никогда прежде и не слыхивал ни о чем таком, кроме как просто о «море», да и об этом-то весь-ма немного.

— Но зато я был на Луне, — сказал он и поведал своему новому другу все, что, как он надеялся, тот сможет понять.

Морскому псу ужасно понравился рассказ Ровера, и он поверил по крайней мере половине услышанного.

— Веселенькая байка, — промолвил он. — Лучшая из всех, что я слышал за долгое время. Я видел Луну — знаешь, я иногда поднимаясь на поверхность, — но я и представить себе не мог на ней ничего подобного. Но черт! Каков наглец этот небесный щенок! Три Ровера! Два — и то слишком, но уж три... И я ни на минуту не поверю, что он старше меня. Да я сильно удивлюсь, если ему стукнуло хотя бы сто лет...

И весьма вероятно, что он был абсолютно прав. Как вы, очевидно, успели заметить, лунный пес многое сильно преувеличивал.

— Во всяком случае, — продолжал морской пес, — он сам дал себе имя. Мое же было мне дано.

— Так же, как мое — мне, — сказал наш песик.

— Да, но безо всякого смысла, и прежде чем ты мог так или иначе его заслужить. Мне нравится идея Человека-на-Луне. Я

тоже буду звать тебя Роверандомом. И, будь я на твоём месте, я бы так это и оставил: похоже, совершенно неизвестно, куда тебя ещё может занести... Ну, пошли ужинать!

Ужин у них был рыбный. Однако Роверандом к этому скоро привык. Такая еда, судя по всему, устраивала его перепончатые лапы.

После ужина он вдруг вспомнил, зачем, собственно, явился на дно морское, и отправился искать Артаксеркса.

Он нашёл его, когда тот выдувал пузыри на потеху морской детворе и превращал их в настоящие мячи.

— Пожалуйста, мистер Артаксеркс, не мог бы я побеспокоить вас, чтобы вы превратили меня... — начал было Ровер.

— О! Убирайся! — произнес волшебник. — Ты что, не видишь, что ли? Мне некогда. Я занят. Не сейчас. Таким образом Артаксеркс весьма часто обращался с теми, кого считал незначительным. Он достаточно хорошо понимал, чего хочет Ровер, однако ничуть не торопился.

Итак, бедный Роверандом уплыл не солоно хлебавши и отправился в постель (точнее, в скопление водорослей на высокой скале в саду).

Случилось так, что именно в это самое время под скалой отдыхал старый кит. И если кто-нибудь вам скажет, что киты не спускаются на дно и не остаются там подремать несколько часиков, можете позволить себе не беспокоиться: старый Юин во всех отношениях был китом исключительным.

— Ну? — спросил он. — Как дела? Я вижу, ты всё ещё

величиной с игрушку. Что, Артак-серкс не может сделать что-нибудь — или не хочет?

— Я думаю, он может, — сказал Роверандом. — Поглядите-ка на мой новый вид! Но каждый раз, как я пытаюсь подойти к вопросу величины, он твердит, что занят и что у него нет времени на долгие объяснения.

— Хм! — произнес кит и свалил хвостом подводное дерево, при этом Роверандома чуть не смыло со скалы.

— Сомневаюсь, чтобы ПАМ добился успеха в этих краях. Впрочем, это не моя забота. С тобой все будет в порядке, рано или поздно. А пока здесь есть масса нового, что ты можешь увидеть завтра. Спи. Спокойной ночи!

И он уплыл в темноту.

Доклад, сделанный им по возвращении в бухту, поверг старого Псаматоса в еще большую ярость. Все огни во дворце погасли. Ни лучика от луны или звезд не пробивалось сквозь темную толщу воды, зеленый цвет которой все мрачнел и мрачнел, покуда не перешел в черноту без единого проблеска. Разве что проплывет неторопливо сквозь водоросли большая светящаяся рыба...

Сон Роверандома был глубок в ту ночь и на следующую, а также и все последующие ночи. И весь следующий день, а также следующий за ним он все высматривал и высматривал волшебника — и нигде не мог найти его. Он уже начал чувствовать себя вполне морским псом и подумывать, а не для того ли он попал сюда, чтобы остаться здесь навечно, когда как-то раз утром морской пес сказал ему:

— Ну его к черту, этого волшебника! Не приставай ты к нему! Оставь его в покое хотя бы сегодня. Давай лучше уплывем куда-нибудь, по-настоящему далеко!

И они уплыли. И это «по-настоящему далеко» плавание обернулось для них путешествием на много и много дней.

За это время псы покрыли огромное расстояние; ведь вы должны помнить, что они были созданиями заколдованными и мало кто из обычных обитателей моря смог бы за ними угнаться.

Устав от обрывов и гор на дне и от соревнований в скорости на средней высоте, они поднимались выше, выше и выше, на мили и мили, прямо сквозь толщу воды. Но, когда бы они ни достигали поверхности, кругом не было видно никакой земли.

...Море вокруг было гладким, спокойным и серым. Внезапно оно подернулось рябью, и темные заплатки запестрели на нем под слабым дуновением холодного ветра — ветра рассвета. В мгновение ока солнце, издав клич, проглянуло из-за обода моря, такое красное, словно выпило горячего вина, и, стремглав вспрыгнув в воздух, отправилось в свое ежедневное путешествие. Кромки волн окрасились в золото, а тени меж ними — в темную прозелень.

На границе моря и неба прямо в солнце плыл корабль, и на фоне пылающего огня мачты его казались черными.

— Куда он плывет? — спросил Ровер.

— О! Полагаю, в Японию, или в Гонолулу, или в Манилу, или на остров Пасхи, или Четверга, или во Владивосток, или куда там еще, — промолвил морской пес, чьи географические познания были несколько туманны, несмотря на хваленые сотни лет рыскания по морям. — Я думаю, это должен быть Тихий океан. Не знаю только, какая из его частей, — теплая, судя по ощущениям. Это довольно-таки обширное водное пространство. Поплыли дальше, не мешало бы чего-нибудь перекусить!

Когда они вернулись несколькими днями позже, Роверандом снова отправился на поиски волшебника — у него было такое

чувство, что он дал тому отдохнуть достаточно долго.

— Пожалуйста, мистер Артаксеркс, не могли бы вы... — начал он, как обычно.

— Нет! Не мог! — заявил Артаксеркс даже еще более категорично, чем всегда. Впрочем, на этот раз он действительно был очень занят. По почте поступили жалобы.

Как вы все, разумеется, можете себе представить, в море существует множество дел, которые идут неважно. И даже самый лучший ПАМ не может этого предотвратить. А с некоторыми из этих дел вообще непонятно, что можно поделать. Обломки кораблей сыплются на крышу вашего дома. Извержения вулканов, случающиеся на дне моря, — точь-в-точь, как у нас, — могут разметать ваше премированное стадо золотых рыбок, или разрушить дипломированную клумбу актиний, или уничтожить единственную и неповторимую жемчужную раковину или знаменитую скалу и коралловый сад. Дикая рыба может затеять драку на проезжей части и покалечить русалочью детвору. Безмозглые акулы заплывают к вам в окно столовой и портят весь обед. Дремучие, немислимых размеров монстры черных пропастей наводят ужас и творят безобразия...

Морской народ испокон веков терпел все это, однако не без жалоб. О да, они любили жаловаться! Конечно, они и теперь писали письма и в «Еженедельную прополку водорослей», и в

«Русалочью почту», и в «Океанские взгляды», но ведь теперь у них был ПАМ! И вот они писали также и ему и ругали за все его — даже за то, что кого-то из них ущипнул за хвост его собственный ручной омар.

Они говорили, что его магия не соответствует требованиям (и это было действительно так), и что его зарплату необходимо

снизить (что было правильно, но грубо), и что ему малы ботинки (что было также почти верно, хотя им бы надо было сказать «шлепанцы» — поскольку он был слишком ленив, чтобы часто надевать ботинки), и еще много чего — вполне достаточно, чтобы Артаксерксу было о чем беспокоиться каждое утро, особенно по понедельникам. Каждый раз по понедельникам его ожидало несколько сотен конвертов!

Был как раз понедельник. Поэтому Артаксеркс бросил в Роверандома обломок камня, и тот ретировался, как устрица из сетки.

Он очень даже обрадовался, когда, вылетев в сад, обнаружил, что вид его ничуть не изменился. И вправду, смею сказать, что не ретируется он так быстро, волшебник вполне мог бы превратить его в морского слизня, или заслал бы его на самый Край Запредела (где бы он ни был), или даже в Клубящийся Котел (который находится в самом глубоком месте самого глубокого моря).

Пес был очень раздосадован и пошел излить душу морскому Роверу.

— Оставил бы ты его лучше в покое. Во всяком случае, пока не кончится понедельник, — посоветовал морской пес. — Если бы я был тобой, я бы вообще пропускал все понедельники. Пошли поплаваем!

После этого случая Роверандом дал волшебнику отдохнуть так долго, что они оба почти забыли друг о друге. Хотя не совсем: собаки так легко не забывают обломки камней...

Похоже было, что Роверандом весьма прочно обосновывался во дворце в статусе домашнего животного. Он вечно пропадал где-то с морским псом, и нередко к ним присоединялась русалочья детвора. По мнению Роверандома, она была не такая веселая, как двуногие дети (но это, конечно, потому, что он не принад-

лежал морю изначально и не мог быть беспристрастным), но все же давала ему возможность чувствовать себя достаточно счастливым. Благодаря ей он мог бы остаться здесь навечно и в конце концов забыть про мальчика.. если бы не кое-что, случившееся чуть позже.

Когда мы подойдем к этим событиям, вы можете задать себе вопрос: а не имел ли к ним отношения Псаматос?

Во всяком случае, в море было огромное количество детей, так что выбирать было из кого. У старого морского царя были сотни дочерей и тысячи внуков, и все они жили в том же самом дворце, и всем им ужасно нравились оба Рове-ра — и миссис Артаксеркс они нравились тоже. Жаль, что Роверандому не пришло в голову рассказать ей свою историю, ибо уж она-то знала, как добиться от ПАМа всего, чего угодно, при любом его настроении. Но в таком случае, разумеется, пес раньше бы покинул те места и, несомненно, лишился множества впечатлений.

Он посетил вместе с миссис Артаксеркс и некоторыми из морских ребятишек Великие Белые Пещеры, где втайне от постороннего глаза хранятся все драгоценности, что когда бы то ни было сгинули в море, и еще великое множество тех, что всегда были в море, включая, конечно же, целые горы жемчуга.

В другой раз они навестили малых морских фей, живущих на дне в своих крохотных стеклянных домиках. Плавают морские феи редко — чаще передвигаются по дну моря пешком, выбирая наиболее ровные места, и при этом всегда что-то напевают себе под нос. Или же ездят в колесницах-ракушках, запряженных самыми крошечными из рыбок; или скачут верхом, накинув на маленьких зеленых крабов уздечки из тончайших нитей (что, разумеется, не мешает тем, как обычно, передвигаться боком).

И им досаждают морские гоблины, которые больше ростом, и уродливы, и скандалисты, и только и делают, что дерутся, охотятся на рыб и носятся повсюду на своих морских коньках... Гоблины достаточно долго могут обходиться без воды и любят в шторм скользить на гребне при- боя к самой кромке берега. Некоторые из мор- ских фей тоже так умеют, однако предпочита- ют тихие теплые летние ночи на пустынных побережьях, вследствие чего их мало кто может увидеть...

А как-то раз вернувшийся старина Юин для перемены обстановки устроил псам прогулку верхом на себе. Ну и ощущение же это было — будто вы оседлали движущуюся гору! Они от- сутст- вовали много-много дней и добрались до самого восточного края мира. Там кит всплыл на поверхность и изверг водяной фонтан такой высоты, что бо- льшая его часть выплеснулась через край, за пределы мира.

А еще как-то он отправился с ними на дру- гую сторону мира (и подобрался к ней так близ- ко, как только посмел). И это было еще более долгое и еще более восхитительное путеше- ствие; как Роверандом понял гораздо позже, когда вырос и стал пожилой, умудренной опы- том собакой, — самое изумительное из всех пе- режитых им путешествий.

Рассказать вам обо всех их приключениях в Неотмеченных- на-карте Водах и о том, что они видели мельком в землях, не известных географии, прежде чем пересекли Моря Смут- ных Отражений и достигли великой Бухты Волшебной Страны (это мы, люди, так зовем ее) позади Островов Магии, и увидели там, да- леко-далеко, на самом краю Запада горы Пра- родины Эльфов разлитый над волнами свет Самого Волшебства... — о, это составило бы, по меньшей мере, другую историю. На миг Ро- верандо-

му даже показалось, что он видит эль- фийский город на зеленом холме пониже ли- нии гор — белоснежный проблеск, страшно далеко; но тут Юин вновь нырнул, да так вне- запно, что он не смог удостовериться наверня- ка. Если это действительно так, то он — одно из очень и очень немногих двуногих или чет- вероно- гих созданий, ходящих по нашей зем- ле, кто смог бросить взгляд на ту, другую зем- лю — пусть и очень издали.

— Мне бы не поздоровилось, если бы нас за- метили! — сказал Юин. — Никто из Лежащих Вовне Земель, как полагают, никогда даже и не приближался к этому месту, ни прежде, ни те- перь. Так что — молчок!

Ну что еще сказать о собаках? Нет, они не забыли о каменных обломках и дурном харак- тере. Несмотря на все самые разноо- бразные достопримечательности и на все свои порази- тельные путешествия, в самой глубине памяти Роверандом неизменно хра- нил свою обиду. И каждый раз, когда он возвращался домой, она вылезала наружу.

Первой же его мыслью бывало: «Ну, и где теперь этот чертов волшебник? Что пользы быть с ним вежливым? Да я опять при первой же, хоть крохотной возможности раздеру ему все брюки сверху донизу!..»

В таком состоянии духа был он и в тот раз, когда, после очеред- ной безуспешной попытки поговорить с Артаксерксом наедине, увидел мага, отбывающего по одной из ведущих из дворца цар- ских дорог. Тот, конечно, был слиш- ком гордым, чтобы, в его-то годы, отрачивать хвост или плавники и учиться плавать как сле- дует. Единственное, что он делал так же хоро- шо, как рыба, так это пил (даже в море! какова же должна была быть его жажда!). Массу вре- мени, которое в ином случае он мог бы исполь- зовать

для официальных дел, он проводил, на- колдовывая в большие бочонки, стоявшие в его личных апартаментах, сидр. Если же он хотел передвигаться побыстрее, то на чем-нибудь ехал.

Когда Роверандом увидел его, он ехал в своем «экспрессе» — гигантской, закрученной винтом раковине, влекомой семью акулами. Народ освобождал дорогу моментально: акулы ведь очень больно кусаются...

— Давай за ним! — крикнул Роверандом морскому псу, и они припустили вслед по обрыву. И эти две противные собаки швыряли в карету здоровенные камни всюду, где она приближалась к обрыву. Как я уже говорил, они могли передвигаться изумительно быстро, и вот они мчались вперед, прячась в водорослевых кустах и спихивая вниз все, что лежало на самом краю. Это чрезвычайно досаждало волшебнику, но они тщательно следили за тем, чтобы он их не заметил.

Артаксеркс и выехал-то в ужасном расположении духа, а не успев проехать и мили, был просто в бешенстве — к которому, впрочем, при- мешивалась значительная доля тревоги. Ибо ему предстояло расследовать ущерб, причиненный весьма необычным водоворотом, появившимся внезапно и в такой части моря, которая ему ну совсем не нравилась. Он полагал — и был совершенно прав, — что к происходящим в том районе пренеприятнейшим вещам лучше бы не иметь никакого отношения.

Беру на себя смелость предположить, что вы уже смогли догадаться, в чем там было дело. Артаксеркс — мог. Древний Морской Змей просыпался. Или полудумал сделать это.

Долгие годы пребывал он в глубоком сне, но теперь начал поворачиваться. Когда он не был свернут в кольца, то достигал сотен миль в длину (некоторые говорят даже, что он мог бы про- тянуть-

ся от края до края мира, но это преувеличение); когда же он был свернут, то лишь одна пещера, помимо Клубящегося Котла — где он обычно и жил и где многие желали бы ему оставаться, — да, одна только пещера во всех океанах могла вместить его. И находилась она, к превеликому несчастью, вовсе не за сотни миль от дворца морского царя.

Когда Морской Змей во сне разворачивал одно-два из своих колец, воды взбаламучивались, и сокрушали человеческие дома, и нарушали покой людей на сотни и сотни миль вокруг. И было, конечно же, очень глупо посылать ПАМа посмотреть, что там такое, потому что Морской Змей слишком огромен, и силен, и стар, и туп, чтобы кто бы то ни было вообще мог его контролировать. Примордиальный*, предысторический, Сама Морская Стихия, легендарный, мифический и придурок — таковы были другие эпитеты, прилагаемые к нему, и Артаксеркс это слишком хорошо знал.

Даже если бы Человек-на-Луне работал без усталости пятьдесят лет, он не состряпал бы заклинания столь развернутого и могущественного, чтобы оно оказалось способным сковать Морского Змея. Единственный раз он только попытался — когда в этом была уж совсем большая нужда, — и в результате по меньшей мере один континент ушел под воду.

Бедняга Артаксеркс рулил прямо ко входу в пещеру. Но еще не успев выйти из экипажа, он увидел высывающийся из устья пещеры кончик змеиного хвоста.

Был он больше, чем целый состав гигантских цистерн для воды, и был он зеленый и склизкий... Этого Артаксеркс вынести уже не мог. Он хотел домой, и немедленно, прежде чем этот Червяк начнет поворачиваться снова, — как все червяки, в самый случай-

ный и неожиданный момент.

И тут все испортил маленький Роверандом. Он знать ничего не знал о Морском Змее и его чудовищной мощи. Он думал лишь о том, как бы досадить этому идиотскому волшебнику с его кошмарным характером. И когда подвернулся момент — а Артаксеркс стоял, как дурак, замерев и уставившись на видимый конец Змея, тогда как его скакуны ни на что особо внимания не обращали, — пес подполз поближе и укусил одну из акул за хвост, просто для смеха.

Для смеха! Но какого смеха!

Акула подпрыгнула и устремилась прямо вперед, и повозка подпрыгнула и также устремилась вперед; и Артаксеркс, который только-только повернулся, чтобы влезть в нее, свалился на спину. Затем акула укусила единственное, до чего могла в тот момент дотянуться, а это был хвост впереди стоящей акулы. И та акула укусила следующую, и так далее, пока передняя из семи, не видя перед собой больше ничего, что можно было бы укусить...

О боже!.. Идиотка!!!

...Если б только она не бросилась вперед и не укусила за хвост Морского Змея!!!

Морской Змей совершил новый и весьма неожиданный поворот! И в следующий момент собаки почувствовали, как их, перепуганных до потери сознания, завертело волчком во взбесившейся воде, с размаху ударя о крутившихся с головокружительной скоростью рыб и вращающиеся спиралью морские деревья, в туче выкорчеванных водорослей, песка, раковин и всякого хлама.

Становилось все ужасней и ужасней, потому что Змей продолжал поворачиваться. И посреди всего этого вращался по всему

пространству бедный старый Артаксеркс, кля- ня их последними словами. Акул, я имею в виду.

К счастью для нашей истории, он так никог- да и не узнал, что сделал Роверандом.

Я не ведаю, как собакам удалось добраться до дому. Во всяком случае, прежде чем это смог- ло произойти, прошло много, очень много вре- мени. Сначала их вымыло на берег одним из ужа- сающих приливов, порожденных шевеле- нием Морского Змея. Затем их выловили ры- баки и уже почти отослали в Аквариум (отвра- тительная судьба!), но в последний момент им удалось избежать этого ценой сбитых, не при- способленных к суше лап, которыми им при- шлось пользоваться изо всех сил все время, пока они пробирались сквозь бесконечный зем- ной беспорядок.

И когда, наконец, они вернулись домой, там тоже был ужас- ный беспорядок. Весь мор- ской народ столпился вокруг дворца, выкри- кивая:

— Подать сюда ПАМа! (Да-да! Они называ- ли его так при- лодно, без всякого уважения.)

ПОДАТЬ СЮДА ПАМа!!!

ПОДАТЬ СЮДА ПАМа!!!

А ПАМ прятался в подвалах.

В конце концов миссис Артаксеркс отыска- ла его там и за- ставила выйти наружу; и весь морской народ завопил, когда он выглянул из чердачного окошка:

— Прекрати это безобразия!

ПРЕКРАТИ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!!!

ПРЕКРАТИ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!!!

И они устроили такой гвалт, что люди на всех берегах всего мира подумали: почему это море сегодня шумит громче обычного?

И ведь так оно и было! И все это время Морской Змей продол- жал поворачиваться, бессознательно пытаюсь засу- нуть себе в пасть кончик хвоста.

Но хвала небу! Он не проснулся как следу- ет, до конца, — а иначе он мог бы выползти на- ружу и в гневе тряхнуть хвостом, и тогда еще один континент пошел бы ко дну. (Конечно, насколько это действительно было бы достой- но сожаления, зависит от того, что это за кон- тинент и на каком живете вы...)

Однако морской народ жил не на континен- те, а в море, и прямо-таки в самом пекле собы- тий... и там становилось черес- чур жарко. И они требовали, чтобы морской царь обязал ПАМа произвести какое-нибудь заклинание, найти средство или ре- шение, способное успокоить Морского Змея. Ибо они не могли дотянуться руками до лица, чтобы перекусить или высмор- каться, — так сотрясалась вода; и каждый уда- рьялся о кого-нибудь еще, и вся рыба заболела морской болезнью — так колыхалась вода; и все вокруг так завихрялось и было полно песку, что все поголовно кашляли, и танцы пришлось пре- кратить.

Артаксеркс тяжело вздохнул. Но все-таки он был обязан что-то предпринять. И вот он от- правился в свою мастерскую и заперся на две недели, во время которых произошли три зем- летрясения, два подводных урагана и ряд бес- порядков среди морского наро- да. Затем он наконец вышел и испустил грандиознейшее за- клина- ние (в сопровождении убаюкивающего песнопения) в некотором отдалении от пещеры; и все отправились домой и засели в подвалах в ожидании — все, кроме миссис Артаксеркс и ее незадачливого мужа. Волшебник был обязан остаться (на расстоянии — но не на безопасном расстоянии!) и наблюдать за результатом; мис- сис же Артаксеркс была обязана остаться и на- блюдать за волшебником.

Единственное, что сделало заклинание, — оно вызвало у Змея кошмарный сон. Ему при- снилось, что он сплошь покрыт полипами (это было пренеприятно и частично соответствова- ло действи- тельности) и, кроме того, медленно поджаривается в вулкане (что было очень болез- ненно и, увы, полностью являлось плодом его воображения). И это разбудило его!

Впрочем, возможно, магия Артаксеркса все- таки была лучше, чем о ней полагали. Во вся- ком случае, Морской Змей не выполз наружу — к счастью для нашей истории. Он только поло-жил го- лову туда, где был его хвост, зевнул, от- крыв пасть, широченную, как пещера, и издал такой громкий храп, что его услышали во всех подвалах всех морских королевств.

И произнес:

— ПРЕКРАТИТЕ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ! И добавил:

— ЕСЛИ ЭТОТ ЗАКОНЧЕННЫЙ ИДИОТ- ВОЛШЕБНИК НЕ УЙДЕТ ОТСЮДА НЕМЕД- ЛЕННО,

И ЕСЛИ ОН КОГДА-НИБУДЬ ТОЛЬКО ПО- ПРОБУЕТ СУНУТЬ В МОРЕ ХОТЬ ПАЛЕЦ, Я ВЫЙДУ, И ТОГДА Я СНАЧАЛА СЪЕМ ЕГО, А ПОТОМ РАЗНЕСУ ВСЕ ДО КАПЛИ. ВДРЕБЕЗГИ. ВСЕ!

СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

И миссис Артаксеркс увела ПАМа домой в полубморочном состоянии.

Когда он пришел в себя — а произошло это быстро, о чем по- заботились, — он снял со Змея заклинание и запаковал в мешок.

И все говори- ли и кричали:

— Прогоните ПАМа прочь! Скатертью дорога!

ВСЕ!

Счастливо!

И морской царь сказал:

— Мы не хотим лишаться тебя, но мы дума- ем, что тебе лучше уйти.

И Артаксеркс почувствовал себя очень малень- ким и незна- чительным (что было ему весьма по- лезно). Даже морской пес смеялся над ним.

Однако забавно, что Роверандом был огор- чен.

В конце концов, у него ведь были свои соб- ственные основа- ния понимать, что магия Артаксеркса далеко не бездейственна. И разве это не он укусил за хвост акулу? И вообще, ведь все это начал он сам — тем, брючным покусом...

Он сам принадлежал земле и потому чувство- вал, как тяже- ло бедному земному волшебнику, которого преследует весь этот морской народ.

Так или иначе, он подошел к старику и про- изнес:

— Пожалуйста, мистер Артаксеркс!..

— Да? — сказал волшебник вполне привет- ливо (он был так рад, что его не называют ПА- Мом, и он уже много недель не слышал обра- щения «мистер»). — Чего тебе, песик?

— Извините, пожалуйста. Честное слово, мне ужасно непри- ятно. Я не хотел...

При этом Роверандом думал о Морском Змее и акульем хвосте, но Артаксеркс (к счастью!) решил, что он подразумевает его брюки.

— Ну-ну, пойдем, — промолвил волшеб- ник. — Не будем во- рошить прошлое. Чем мень- ше сказано — тем легче исправить. Я думаю, нам обоим лучше отправиться домой, вместе, а?

— Но, пожалуйста, мистер Артаксеркс, — сказал Роверандом, — нельзя ли попросить вас вернуть мне мою обычную величину?

— Ну, конечно! — заявил волшебник, довольный, что нашел- ся кто-то, все еще верящий, что он хоть что-то мо- жет сделать.

— Ну, конечно же! Однако, пока ты еще здесь, вни- зу, тебе безопаснее оставаться таким, какой ты есть. Давай-ка сначала уберемся отсюда! И потом, я действительно, по- истине, именно сейчас очень занят.

И он действительно и поистине был занят. Он пошел в мастер-скую и собрал все свои

параферналии, инсигнии, меморандумы*, символы, своды рецептов, магические напит- ки, приборы, а также мешки и бу-тылки самых разнообразных заклинаний. Он сжег все, что могло гореть, в водонепроницаемом горне, ос- таток же свалил в саду с обратной стороны двор- ца. После этого там стали происходить сверхъе- стественные вещи. Цветы разрослись так, слов- но обез-умели. Овощи стали чудовищно огром- ными. Рыбы, которые съели овощи и цветы, превратились в морских червяков, морских ко- тов, морских коров, морских львов, морских тигров, морских дьяволов, морских свиней, дюгоней, цефалоподов, ламантинов и пагуб — или же просто отравились. А кроме того, там столь гу-сто выросли всякие бедствия — призра- ки, привидения, замеша-тельства, обманы, гал- люцинации, — что никто во дворце больше не имел ни минуты покоя, и все его обитатели вы- нуждены были оттуда переехать.

Сказать по правде, они заужали волшеб- ника после того, как лишились его, и хранили о нем память.

Но это уже было гораздо позже. А в тот мо- мент они требова- ли, чтобы он ушел.

Когда все было готово, Артаксеркс попро- щался с морским царем — надо сказать, весьма холодно. Даже морская детвора не выглядела при прощании слишком огорченной, ведь он выдувал для нее пузыри (о чем я вам рассказы- вал) крайне редко. Прав-

да, кое-кто из его бес- численных своячениц все же постарался быть вежливым — ведь рядом была миссис Артак- серкс; одна- ко в действительности все с нетер- пением ждали того момента, когда он выйдет за ворота и они смогут послать Морскому Змею смиренное послание: «Достойный сожаления волшебник отбыл и больше никогда не вернет- ся, Ваша милость. Молим Вас, усните!»

Разумеется, миссис Артаксеркс ушла тоже. У морского царя было столько дочерей, что он вполне мог позволить себе потерять одну из них, особенно не скорбя, тем более десятую по старшин- ству. Он снабдил ее мешком драгоцен- ностей и влажным поцелуем на ступенях двор- ца и вернулся к себе на трон.

Однако все остальные, и более всего множе- ство морских пле- мянниц и племянников миссис Артаксеркс, ужасно сожалели об одном — что им приходится терять также и Роверандома.

Больше всех был удручен этим морской пес.

— Всегда, когда будешь на море, капни мне весточку — и я мигом всплыву поглядеть на тебя.

— Обязательно! — сказал Роверандом. И с тем они покинули дворец.

Старейший из всех китов ждал их. Роверан- дом сел на колени миссис Артаксеркс, и как только все они устроились у кита на спи- не, так тут же и отправились. И весь народ сказал «до свидания» очень громко и «скатертью дорога» тихо, но не очень.

Так Артаксеркс лишился звания Пан-Ат- лантического и Ти- хоокеанского Мага.

Кто творил с тех пор для морского народа колдовство, я не ведаю. Думаю, скорее всего, старый Псаматос и Человек-на-Луне управля- лись с этим вдвоем. Они-то на это способны как никто!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Кит причалил у тихого берега далеко-далеко от бухточки Псаматоса — на этом особо настаивал Артаксеркс.

Миссис Артаксеркс и кит остались ждать, тогда как волшебник с Роверандомом в кармане прогулялся пару миль в соседний приморский городок, где обменял свой замечательный бархатный наряд (произведший на улицах сенсацию) на старый костюм, зеленую шляпу и немного табака. Он также приобрел сидячую ванну для миссис Артаксеркс (вы не должны забывать про ее хвост!).

— Пожалуйста, мистер Артаксеркс, — начал Роверандом еще раз, когда, ближе к середине дня, они снова сидели на песчаном берегу. Волшебник курил трубку, прислонясь спиной к киту, и выглядел он при этом гораздо более счастливым, нежели все предшествовавшее время, и совсем не занятым. — Не вернете ли вы мне мой настоящий вид? И нормальную личность тоже, пожалуйста!

— О, прекрасно! — промолвил Артаксеркс. — Я подумал, что могу вздремнуть чуть-чуть, прежде чем заняться делом, но — не возражаю. Покончим с этим! Ну-ка, где моя...

И затем он вдруг замолк. Он внезапно вспомнил, что сжег и выбросил все свои заклинания на дне Глубокого Синего Моря.

Он действительно ужасно расстроился. Он вскочил и стал шарить в карманах брюк, и в карманах жилета, и в карманах пиджака, снаряды и внутри, и никак не мог найти ни капельки магии ни в одном из них.

(Конечно же, ее там не было, глупый старик! Он был так взволнован, что даже забыл, что купил этот костюм в магазине ростовщика всего час или два назад. А до того костюм принадлежал — или, во всяком случае, был продан им в магазин — пожилому дворецкому, и уж тот-то, будьте покойны, перед тем как отдать его, вычистил все карманы.)

Волшебник сел и вытер лоб ярко-красным платком, и выглядел он опять жутко несчастным.

— Я действительно очень, очень извиняюсь! — сказал он. — Я никогда не думал оставлять тебя в таком виде навсегда. Но сейчас я не знаю, как тебе можно помочь. Пусть это послужит тебе уроком, чтобы впредь ты не кусал брюк милых, добрых волшебников!

— Какая смехотворная чушь! — перебила его миссис Артаксеркс. — Здесь нет ни милого, ни доброго, ни волшебника, если ты не можешь немедленно вернуть песику его вид. И более того: раз так, я возвращаюсь на дно Глубокого Синего Моря и больше никогда не вернусь к тебе.

Бедный старина Артаксеркс выглядел почти таким же встревоженным, как тогда, когда Морской Змей устроил весь этот переполох.

— Дорогая моя, — сказал он, — мне очень жаль, но я специально наложил на собаку мое самое-пресамое сильное антирасколдовательное заклятье после того, как Псаматос (черт бы его побрал!) начал вмешиваться, — чтобы показать, что ему не все позволено и что я не потерплю, чтобы какой-то там песчано-кроличий волшебник вмешивался в мою частную жизнь, портя мне все удовольствие от развлечения. Я совершенно забыл оставить противоядие, когда производил чистку там, внизу! Обычно я хранил его в маленьком черном мешочке, висевшем на двери моей мастерской.

— О боже, боже! Я уверен, ты согласишься, что это была только шутка, — снова обратился он к Роверандому, и от огорчения нос его вырос и покраснел.

Он все продолжал повторять «о боже, боже!» и трести головой и бородой, и никак не замечал, что Роверандом не обращает на это никакого внимания, а кит подмигивает.

Миссис Артаксеркс поднялась и подошла к своему багажу. Затем она засмеялась и... в руке у нее оказался линялый черный мешочек.

— Хватит мотать бородой, займись-ка делом, — заявила она. Однако, когда Артаксеркс увидел мешок, он так изумился,

что несколько мгнове-

ний не мог ничего делать, а только смотрел на него с широко открытым ртом.

— Ну же! — сказала его жена. — Это твоя сумка? Я подобрала ее и еще несколько небольших предметов, принадлежащих мне, на той гадкой мусорной куче, которую ты оставил в саду.

Она развязала мешок, чтобы заглянуть внутрь, и оттуда выскочила волшебная палочка-авторучка, а вслед за ней вылетело облако потешного дыма, скручиваясь в странные формы и забавные физиономии.

И тут Артаксеркс поднялся.

— Эй, дай его мне! Ты растрачиваешь его! — закричал он. И затем он сгреб Роверандома за щетину на загривке и в мгновение ока, прежде чем вы успели бы сказать «нож», сунул его в мешок, повернул вокруг оси три раза, махая зажатой в другой руке ручкой, и...

— Спасибо! Это замечательно! — сказал он и открыл мешок.

Раздался грохот и — вот так чудо! — мешок исчез, и остался только Ровер, совсем такой, каким он был всегда, пока впервые в жизни не встретил на лужайке волшебника.

Ну, возможно, не совсем такой: он немного подрос, так как стал теперь на несколько месяцев старше.

Бессмысленно было бы пытаться описать, в каком он был восторге, каким забавным и уменьшенным все ему казалось — даже старейший из китов; каким сильным и свирепым он ощущал себя.

И был один момент, когда он с таким волеванием смотрел на брюки волшебника...

Однако он вовсе не хотел, чтобы все началось сначала, и потому, отбегав от радости кругами мило и отлаявшись так, что чуть голова

не отвалилась, он подошел и сказал «спасибо», и даже добавил «очень рад был познакомиться с вами», что, как вы понимаете, было верхом вежливости.

— Не за что, — произнес Артаксеркс. — И это — последнее мое волшебство. Я удаляюсь на покой. А тебе лучше отправиться домой. У меня нет больше магии, чтобы с ее помощью отправить тебя туда, так что тебе придется идти самому. Но ведь это не составит труда для сильной молодой собаки?..

Итак, Ровер сказал «до свидания», и кит подмигнул ему, а миссис Артаксеркс дала кусок пирога; и это было последнее, что он о них запомнил.

Это потом уже, спустя много-много времени, посетив приморский район, где он никогда прежде не был, он узнал, что произошло с ними дальше, — ибо они там были. Не кит, разумеется, но отошедший от дел волшебник и его жена.

Они осели в приморском городке, и Артаксеркс, взявший имя «мистер А. Пам», держал рядом с пляжем магазинчик, где продавал сигареты и шоколад. Торговля ими шла вяло.

Артаксеркс был очень, очень осторожен и никогда не прикасался к воде — даже если это была питьевая вода. (Впрочем, это не было для него слишком обременительно — ведь увлекался-то он сидром...) И он изо всех сил старался прибить весь тот кошмарный свинарник, который устраивали на пляже его посетители...

...потому что ярко-розовые и страшно липкие «Леденцы Пама» определенно приносили ему недурной доход.

В этом непременно должна была содержаться хоть крошечная капелька магии: дети любили их до умопомрачения и ели безостановочно, и не могли прекратить есть даже после того, как уронили и изваляли в песке.

Но еще больше денег зарабатывала миссис Артаксеркс. Прошу прощения — миссис А. Пам.

Ведь она содержала купальни, а также папки и вагончики для переодевания на пляже, и давала уроки плавания, и ездила в сидячей ванне, запряженной двумя белыми пони, и на девала сногшибательные драгоценности морского царя... Одним словом, она стала очень знаменитой.

Так что никто даже и не вспоминал про ее хвост!

Однако в настоящий момент Ровер все еще медленно бредет по деревенским улицам и проезжим дорогам, следуя за своим носом, который обязательно в конце концов приведет его домой, как это свойственно собачьим носам...

«Не все сны Человека-на-Луне сбываются.

Он сам так сказал, — думал Ровер, бесшумно скользя вдоль дороги. — Этот-то не сбудется. Ах, как жалко... Я ведь даже не знаю, как называется то место, где живет мальчик».

Как он обнаружил, суша подчас была местом не менее опасным для собаки, чем Луна или океан, хотя гораздо более скучным. Автомобиль за автомобилем, полные одних и тех же людей (так думал Ровер), летели мимо него неведь куда, обдавая тучами пыли и вонючего газа.

— Никогда не поверю, что хотя бы половина из этих людей знает, куда они едут или почему они туда едут, или узнают это, когда приедут, — ворчал Ровер, кашляя и задыхаясь.

Когда лапы его уставали от трудных, мрачных черных дорог, он сворачивал в поля и бесцельно блуждал в них, слегка играл с птичками и кроликами и неоднократно упоительно дрался с другими собаками, временами со всех ног улепетывая от больших псов.

И таким образом, наконец-то, недели или месяцы спустя с того момента, как началась наша история (он сам не мог бы сказать точно, сколько прошло времени), он вернулся к своим родным садовым воротам.

И там, на лужайке, играл желтым мячом маленький мальчик!

Сон стал явью — совсем как то, о чем он и не мечтал...

— Это же Роверандом! — закричал мальчик. И Ровер сел на задние лапы и стал «просить»,

и не мог ничего пролаять, потому что у него вдруг пропал голос, а маленький мальчик обнял его, погладил по голове, а потом бросился в дом с криком: «Мой маленький просящий песик вернулся, большой и настоящий!»

Он все рассказал своей бабушке...

...Ну откуда же Ровер мог знать, что все это время он принадлежал бабушке мальчика?! Ведь к тому моменту, как его заколдовали, нашему псу было всего лишь два месяца... Однако мне интересно, что знали об этом Псаматос и Артаксеркс?

Бабушка очень удивилась возвращению своей собаки, прекрасно выглядевшей, вовсе не сбитой машиной и не раздавленной велосипедом. Она никак не могла взять в толк, о чем это ей рассказывает малыш, и ему приходилось снова и снова пересказывать ей все, что он знал. С большим трудом, поскольку она была все-таки чу-у-точку туговата на ухо, бабушка поняла, что собаку теперь нужно звать Роверандомом, а не Ровером, потому что так сказал Человек-на-Луне («Ну надо же, какие у ребенка оригинальные идеи...»), и что теперь он принадлежит не ей, а мальчику, потому что мама принесла его домой с креветками («Хорошо, хорошо, милый, пусть будет так, если хочешь, а я-то думала, что это я купила его у сына садовника...»).

Разумеется, я не стану пересказывать весь их спор — он был долгим и запутанным, как часто бывает, когда обе стороны правы. Ведь вам важно только то, что с тех пор пса стали звать Роверандомом, и что отныне он принадлежал мальчику, и что, когда время пребывания мальчиков у их бабушки закончилось, он вернулся с ними в дом, где однажды уже сидел на комодке. Конечно же, Роверандом никогда больше этого не делал.

Иногда он жил в деревне, большую же часть времени — в белом доме на обрыве над морем.

Он очень подружился со старым Псаматосом. Не настолько, конечно, чтобы выбрасывать из его имени букву «П», но вполне достаточно, чтобы, когда он уже вырос во взрослую, достойную собаку, будить его, вытаскивая из песка, и долго-предолго болтать с ним.

Правда-правда, когда Роверандом вырос, он стал очень мудрым и пользовался в округе огромным авторитетом.

И пережил за свою жизнь еще массу других приключений, во многих из которых участвовал и мальчик.

Однако эти, о которых я вам рассказал, были, наверное, самыми необычными и самыми восхитительными из всех. Вот только Тинкер говорит, что не верит здесь ни единому слову.

Кошки ревнивы!

